

СМЕНА

СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

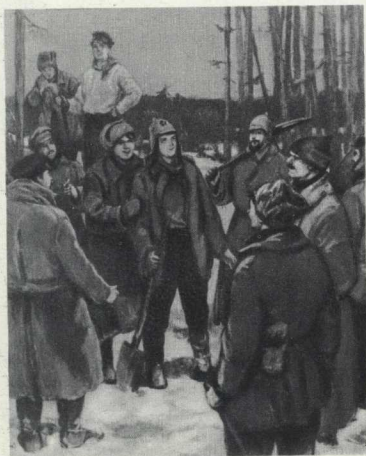
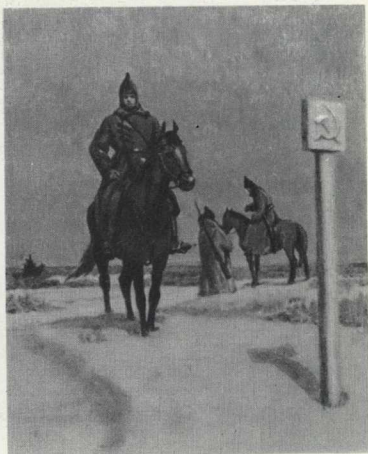
18

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

НОВЫЕ ИЛЛУСТРАЦИИ В. МИНАЕВА К РОМАНУ Н. А. ОСТРОВСКОГО.

Николай Алексеевич Островский.
(Снимок 1922 года.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. № 18. 1954 год.

Год
издания
31-й

Стоял теплый летний вечер. С моря веяло прохладой. Воздух было тихо, только временами доносился приглушенный шум прибоя. Островский отдышал на веранде. Вдруг раздались легкие стук в дверь... На пороге стоял незнакомый посетитель. Он отрекомендовался иностранным корреспондентом.

Островский предложил гостю сесть. Вскоре завязался оживленный разговор.

— Это верно, что вы были программным работником? — спросил журналист, с интересом разглядывая лежащего в постели писателя.

— Да. Кочегаром, — ответил Островский.

Быстро записав ответ, корреспондент, с трудом подбирая русские слова, продолжал:

— Вы прикованы к постели в течение долгих лет, безвозвратно потеряли способность двигаться, слышать... Неужели к вам на разгул не приходит отчаяние?

Островский ответил не сразу. Наступила долгая пауза. Но вот тихо его осветил светлая улыбка, и он спокойно ответил:

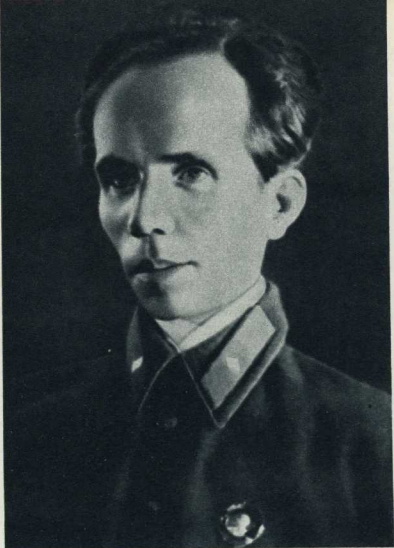
— Счастье многогранно, и я глубоко счастлив. Моя личная трагедия отнесена изумительной, неповторимой радостью творчества и созиданию, что и мои руки кладут кирпичи в создаваемое нами прекрасное здание, имя которому — социализм.

Островский говорил долго. Горько с улыбкой, шепеляво иронично. Казалось, он может бесконечно рассказывать о счастье и радости, которые ему довелось познать в борьбе.

Да, он был в состоянии полной потери зрения и мучительная боль навсегда приковала его к постели. Он мужественно выдерживал все выпавшее на его долю тяжелейшие испытания и нашел свое место в боевой шеренге строителей новой жизни.

Герои его замечательных книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» являлись нашими боевыми современниками. Они живут рядом с нами, борются, побеждают, вселяют неугаемую веру в победу нашего правого дела.

Вен славы жизнь и творчество Николая Александровича Островского проникнуты любовью к трудовому люду, к родной стране, бере-

Н. А. Островский.

РОЖДЕННЫЙ БУРЕЙ

Великий инженерный подвиг писателя-бойца был отмечен высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Этот комсомольский билет Беринга носил у сердца Николай Островский.

дольной преданностью делу Коммунистической партии, мужественной борьбой за счастье и мир на земле.

Писатель, как не раз завывал Островский, — это строитель социализма, боец, учитель, трубу; его волнуют передовые идеи современности; он не может стоять в стороне от насущных запросов народа. Творческие силы людей, их талант, способности наиболее ярко раскрываются в социальном, мировом труде, и поэтому борьба за мир, борьба против угрозы войны, должна быть главной темой писателя-гуманиста.

Эти прозвучавшие мысли Островского были не декларацией. Они находили конкретное воплощение в созданных им художественных образах, в его боевой, воинствующей публицистике. Мир для него был не абстрактным понятием. С оружием в руках боролся за него Островский на фронтах гражданской войны, он завоевывал мир трудом упорным и самоотверженным. Писатель-боец знал: мир добит дорогой ценой, и поэтому отстаивать его надо в мужественной борьбе против тех, кто жаждет войны и крови.

Островский неустанно разоблачал реакционную сущность империализма, его преступную политику разжигания войн и человеконенавистничества, клеймя поджигателей новой войны как

самых злейших врагов человечества. «Если страден один сумасшедший с революцией, — писал он, — то что же сказать о таких, которые могут бросить в бойню все наше и залить кровью весь мир?»

Островский любил жизнь, мир. И сейчас страстно звучит его голос протеста против угрозы фашистского порабощения народов. Он говорил, что капитализм гнет, распадается, что он стал препятствием на пути к прогрессу и хочет найти выход из кризиса в насаждении фашистского террора. Однако это не спасет агнивающий капиталистический строй. Островский верил, что фашизм будет разгромлен, империализм потерит крах, что им никогда не удастся повернуть колесо истории вспять.

Возмущенно и горячо писал Островский о нашей славной Родине, ставшей надеждой всего человечества. Он гордился великой страной социализма, ее могучим народом; с напряженным вниманием молодой писатель следил за великими преобразованиями в нашей стране.

Идеи мира в его творчестве неразрывно связаны с борьбой за построение коммунизма. В письме «Комитету и комсомольцам аммианского завода в г. Баренцграде» Островский писал, что в социалистическом мире объединяет, вдохновляет людей и зовет к борьбе и труду единая цель, делающая победу одного из нас победой всей армии строителей коммунизма общей победой, общей радостью. Единство в борьбе за коммунизм, мир и счастье народов — это непреломное условие нашей победы в борьбе против врагов, за будущее, которое принадлежит нам так же, как и героическое настоящее!

Само же творчество Островского было, как мы знаем, созданием с молодостью, которая горячо любит Родину и люто ненавидит ее врагов. Он верил, что великое дело, начатое отцами, будет продолжено молодым поколением, для которого строительство нового мира станет счастьем, содержанием всей жизни.

«Борьба за коммунизм, истинная дружба, любовь и молодость — все это для того, чтобы быть счастливыми», — писал Островский.

***

Невелико литературное наследие Островского. Творчество замечательного писателя еще только раскрывалось. Он умер в расцвете творческих сил. Не суждено было сбыться многим его планам. Не вышли из печати задуманные им повести и романы, незавершенным остался киноскрип, молодежь не дождалась новой книги «Счастье Коритина».

Пусть много, пусть часто расскажут Островский молодежи, остался им невысказанным. Но жизнь его, отданная для счастья народа, борьба героев его книг за утверждение лучших идеалов человечества всегда будут служить вдохновляющим примером беззаветного служения Родине, великому делу Коммунистической партии. Имя писателя-коммуниста, писателя-бойца Николая Островского всегда будет жить в сердцах людей, борющихся за торжество коммунизма, за мир и счастье народов.

М. МУХТАСИПОВ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЛАМЯ ЖИЗНИ!

...Не первый раз переступаешь порог этой комнаты, испытывая одно и то же чувство: гордость за человека, который жил и творил здесь.

Он приехал сюда, на улицу Горького, в дом № 14 (тогда № 40), в декабре 1935 года. Стоял мороз, в Островского перешли с вокзала в специально устроенной санитарной машине. Здесь он возобновил работу над романом «Рожденные бурею», превратившую было ожесточенным приступом болезни. Отсюда, из московской квартиры, незримо поднимался он на трибуну IX Всесоюзного съезда комсомола. Крылатые его слова облетели страну и мир:

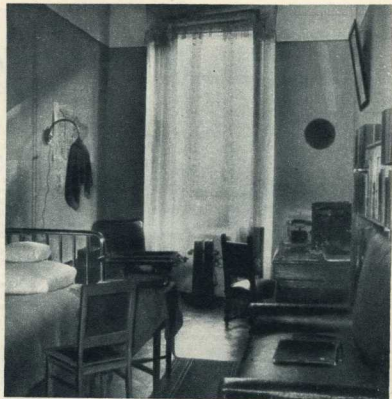
«...Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается из года в день в упорном сопротивлении трудностям. И дева нашей молодежи — это мужество, это

упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий».

Сюда к нему устремлялся нескончаемый «человеческий кофей».

Все здесь тебе хорошо знакомо. В комнате полурак. Застекленная дверь, выходящая на улицу Горького, висит на тяжелых петлях. Горит единственная настенная электрическая лампочка, прикрытая красной материей. У левой стены — кровать. Над ней — портрет В. И. Ленина... Рядом с кроватью небольшой столик, за которым на пишущей машинке записывались под его диктовку «Рожденные бурею»...

Кажется, что сейчас навстречу тебе доносится приметливый, густоховатый и молодой голос хозяина; он подзоровается с тобой, попросит сесть рядом, протянет кисти рук — только кисти рук с трудом поднимались ему, созра-

Квартира-музей Н. А. Островского в Москве. Здесь жил и работал писатель-боец.

ная слабую подвижность, — и, пока твою руку, не вынутит ее уже до конца встречи.

«Островский лежит в постели, наголовету закрытый одеялом; худой; обострившееся, подвижное лицо одухотворено — такие лица бывают у людей, много и сосредоточенно думающих. Оно буквально светится мыслью, отражает ее движение. Глубоко впалые глаза широко открыты, и тебе кажется, что они живут, видят, чувствуют. На нем военная гимнастерка. На груди — орден Ленина.

По тому, как крепко удерживает он твою руку, как нервно то и дело ее пожимает, ты догадываешься, что твою руку словно приближает тебя к его внутреннему зрению, помогает ему взглянуть тебя.

Чем дольше длится беседа, тем все больше и больше ты забываешь, что сидишь у постели человека, сраженного тяжким недугом.

«Впечатление, которое произвел на меня Островский, — вспоминал один из его друзей, Митя Задка, он же впоследствии боевой генерал Лукач, — можно назвать резко контрастным. И, главным образом, оно было ободриющим. То, что Николай думает, что он разбит, не видит и т. д. — это все внешне.

Сущность: это — сила, доблестный перенос, боец. Да, в нем все еще чувствуется врачеварец. Он чувствует себя в разладе, и он в разладе, даже передовых. А то, что он физически таков, кажется ерундой, атрибутом, даже страшилкой, но предельным, временным и, безусловно, не окончательным.

Впечатление это абсолютно верное. Он говорит: «Когда я закрываю глаза.» И ты не думаешь о том, что его глаза уже закрыты много лет. Он говорит: «Я читаю»,

я пишу, я готовлюсь к выступлению на съезде». И ты воспринимашь все это как нечто естественное, обычное. Слестой, он зорче многих зрячих; неподвижный, он подвижнее многих физически крепких людей; тяжело больной, он получает столько тепла, энергии, что тебе, вполне здоровому, становится стыдно за себя, за то, что ты живешь не в полную меру своих сил и возможностей... Острее и полнее постигаешь ты смысл и значение жизни и учишься умению жить достойно. Ты мерщась себя его мерой:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подвешенное и мелочное прошлое и чтобы, умирая,

Обложка первого издания романа «Как зашла сталь». 1934 год.

Партийный билет Н. А. Островского. С достоинством и честью пронес его через свою замечательную жизнь писатель-комсомолец.

О РОДИНЕ, ПАРТИИ, КОМСОМОЛЕ

ИЗ ПИСЕМ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Н. А. ОСТРОВСКОГО

Родина — это волнующее слово. Разве можно еще в какой-нибудь стране, кроме нашей, слышать его так, как оно звучит у нас!

Всех нас воспитала, растила наша Великая Партия... Быть членом этой Великой Партии — заветная мечта каждого молодого человека нашей страны.

...Партия воспитывает а нас священное чувство — бороться до тех пор, пока есть в тебе искра жизни.

Если бы меня спросили, какое самое большое счастье для человека, я скажу: принадлежать к великой социалистической семье, принадлежать к передовым рядам комсомола, оного помощника партии.

...Высокое, почетное звание члена Ленинского комсомола а сохраняет своей работой в комсомоле а для комсомола.

Н. Островский

смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Осмысливая эти страстные, глубоко патристические слова, ты заново пересматриваешь и переосмысливаешь все тобой сделанное; хочешь жить содержательнее, ответственнее. Тебе многое открывается именно тут, у постели живого Корчагина.

Островский говорит: самое опасное для человека — не его бояться. Смерть страшна, но и ее можно преодолеть. Куда опаснее другое: лень, обыкновенная человеческая лень. Вот когда человек не испытывает потребности в труде, когда он внутренне опустошен, когда, дождавшись сна, он не может ответить на свой вопрос: «Что сделано за день?» — тогда действительно боюсь и страшно.

Нужно срочно собирать консилиум друзей и спасать человека, так как он гибнет. Ну, а если потребность в труде не потеряна и человек, несмотря ни на что, ни на какие трудности и препятствия, продолжает трудиться, он нормальный рабочий человек, можно считать, что с ним все в порядке. Человек становится человеком, если он собран вокруг какой-либо настоящей идеи, — подчеркивает Островский. — Тогда человек живет не по частям: бромом, пеницином... а целым. С этого, собственно, и начинается человек. Этим он и силен!.. Есть одна великая идея, которая не только одного человека, а целым народом может сделать богатырями. Это великая идея коммунизма, борьба за народное счастье.»

За всеми этими словами стоит жизнь Островского, они подтверждены ею. Слово никогда не расходилось у него с делом. Чем глубже проникала в него и овладела им великая идея коммунизма, тем более становился он Человеком.

Пятнадцатилетним подростком участвовал комсомолец Николай Островский в гражданской войне, сражался в рядах бригады Котовского и Первой Конной армии, защищал молодую Советскую республику от злодейских покушений ее врагов. В жестоких боях проявил он свою храбрость. Затем, после окончания гражданской войны, так же героически участвовал в мирном строительстве: восстанавливал железнодорожные мосты, строил узкоколейку, вместе со своим народом налаживал разрушенное войной хо-

БЫТЬ ВСЕГДА БОЙЦОМ!

из ПИСЕМ и ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. ОСТРОВСКОГО

Вы что же думаете, на нас солнце не светит, или жизнь не казалась нам прекрасней, или для нас не было приключений новых девушек, когда мы воевали по фронту и персонажи боевые бури? В том-то и дело, что жизнь нас звала. Мы, может быть, больше других чувствовали ее очарование, но мы твердо знали, что самое главное сейчас — уничтожить классовую вражду и отстоять революцию. Это сознание подвигало все остальное. Оно называло наши молодые сердца энтузиазмом и великим энтузиазмом... Мы урядом неслись, обливая шапки, на вражьи ряды, и горе было всем тем, кто попадал под наши удары.

Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудности. И девиз нашей молодежи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий... Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе — и никакая цена! Вот девиз молодежи нашей страны, девиз прекрасный, девиз мужественный, девиз, завещанный нашими вождями.

Вперед нас ждет еще более яркое будущее. Это будущее столь пламенно, что никто не может не оставаться в борьбе за него. Быть не последним бойцом в борьбе за прекраснейшее счастье человечества — вот почетнейшая задача и цель.

Молодые люди, родившиеся в октябрьские дни, должны знать, каких немощных усилий стоила рабочему классу его свобода. Только зная это, молодое поколение социализма будет также беззаветно защищать социалистическую Родину от физизма...

Победа гладко, без препятствий, не дается. Таких побед в истории почти не бывало. И победа в нашей стране и победа каждого в отдельности — это преодоление препятствий.

Самое дорогое в жизни — быть всегда бойцом, а не пастыш в обиход трезвого разряда.

Знают помидар раньше всего. Он живет только в себе и для себя. И если покочерно его ешь, то ему нечем жить. Перед ним ночь зима, обреченности. Но когда человек живет не только для себя, когда он растворяется в общественном, то его трудно убить — ведь надо убить все окружающее, убить всю страну, всю жизнь.

Если лично в человеке занимает огромное место, а общественно — крошечное, тогда разорвет личную жизнь — почти катастрофа. Тогда у человека встает вопрос: зачем жить? Это вопрос никогда не встанет перед бойцом.

М. Островский

звьяство. Со свойственным ему энтузиазмом относился он к своей комсомольской работе в Берездовском и Извильском районах.

«Кто не горит, тот коптит. Это — закон. Да здравствует планка жизни!» — воскликнул Островский и со всем пылом юной ду-

ши отдавался любому делу, которое ему поручала партия.

Островский, как известно, написал две части автобиографического романа «Как закалялась сталь» и мечтал написать третью — «Счастье Корчагина». Бузовалю за несколько дней до смерти он закончил работу над первой частью

романа «Рожденные бурей», а запланированы были еще две части (хотелось «не просто написать, а положить в эту книгу огонь своего сердца»). В соавторстве с молодым киноцензором он содал сценарий «Как закалялась сталь». Он думал о книге для детей — «Счастье Павла», мечтал написать книгу о Булевном, хотел пригласить сборник юмористических рассказов... А сколько труда вложено в статьи, выступления на комсомольских съездах и писательских конференциях!.. Кроме того, ежедневное чтение газет, журналов, книг... Кроме того, беседы с товарищами, которые к нему приходили...

В его комнате можно было встретить рабочих и артистов, писателей и колхозников, комсомольцев и пионеров. Он звонил по телефону, слушал радио, аккуратно отвечал на письма своих многочисленных корреспондентов, всегда был рад возможности поработать с комсомольской работой.

Человек этот мечтал побить рекорд долготельности. Он не побил его в обыкновенном, физическом смысле слова. Жил он всего лишь 32 года! Но он, несомненно, поставил рекорд жизнелюбности, жизнестратегии. Его положение было безнадёжным, меч смерти висел над его головой, а он, презирая смерть, жил так активно, так щедро, как могут жить лишь редкие по своей полноте личности люди. Странно было не жить, не участвовать в великих делах своего народа, в исторической борьбе за свободу и счастье человечества.

Книги Николая Островского стали буквально настольными для многих советской молодежи. Они изданы миллионными тиражами на разных языках на всем земном шаре.

«Самое трудное в литературе, — пишет известный болгарский писатель и общественный деятель Людмила Стючкова, — создать живой тип, целостный и правдивый, в котором тысячи и тысячи видят и находят что-то свое, от своей судьбы и от своей жизни.

Павел Корчагин именно такой новый тип, новый человек, и именно это его значение почувствовали миллионы читателей, которые его любят, как нечто свое, близкое».

Люди разных поколений и народов видят, и несомненно, находят в книгах Островского что-то свое, от своей судьбы и от своей

Бессмертные произведения Н. А. Островского учат молодежь всего мира жить и бороться, бороться и побеждать. На снимке: книги Николая Островского, изданные за границей.

ИМЕНИ ОСТРОВСКОГО

жизни. Островского любят и читают везде, по его книгам учатся, как надо жить.

Центральный комитет Новодомратовского союза молодежи Китая обязал, например, всех членов союза прочитать роман «Как закалялась сталь».

Выдающийся американский писатель Говард Фаст пишет, что он не знает ни одной книги во всей современной литературе на английском языке, которую можно было бы сравнить с романом «Как закалялась сталь».

Таким же новые и новые свидетельства интернациональной популярности и значимости творчества Островского.

Его правдивое, боевое слово «проникло в движенье сердца читателей, и они берут пример» Корчагина, равняются по нему; то, что казалось еще совсем недавно непроходимым, поддается тысячу нападкам и рушится под тысячу напором: боевое становится достоянием.

Нам хорошо известно действие книг Островского, самого его образа на советскую молодежь в мире: до войны, в годы Великой Отечественной войны и теперь — в годы послевоенных пятилеток. Всегда и всюду Корчагин идет за собою корчагинцев. Его воля и мужество, его упорство и стойкость, его героическая энергия и, наконец, блестящая его победа над всеми трудностями вдохновляют младших братьев и сестер Павла Корчагина.

Любимый и характерный пример.

Несколько лет назад Московский музей Островского послал строителям Волго-Дона роман «Как закалялась сталь». С радостью встретили они этот дорогой подарок. Книга побывала на всех объектах строительства, она переходила из одного района в другой. Затем появляется торжественно вручаемое удостоверение записку шагающего экскаватора. В ответ на это звание обязался работать по-корчагински, досрочно выполнять плановое производственное задание. Успехи записки были отмечены тем, что коллективу присвоили имя автора книги — Николая Алексеевича Островского.

Возвращая книгу в музей, члены экипажа, работающие теперь на новой стройке, сделали от себя приписку:

«Эта книга будет всегда вдохновлять на новые трудовые подвиги во славу великой Родины, за победу коммунизма».

Такое действие книги. Она не знает равнодушных читателей.

Производственные бригады имени Островского и Корчагина с честью трудятся не только в нашей стране. Они участвуют в возрождении Китая и Польши, Чехословакии и Болгарии, Венгрии и Албании, Румынии и Германии...

Болгарский рабочий, почетный металлург с локомотивно-вагонного завода имени Димитрова, пишет:

«Когда в моей работе на заводе я и личной жизни мне завода встречается трудность, передо мной оживает образ Павла Корчагина, и кажется, что он мне говорит: «Сумей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой, сделай ее полегче». Мне кажется, что без романа Николая Островского, без этой прекрасной

книги большевистского оптимизма и не заслужил бы высокой чести быть одним из знатных людей нашего завода».

Сколько число друзей Островского-Корчагина во всем мире. Безостановочно движется «европейский конвейер» в его комнате, у его постели; хозяйня дома, в гостях — все больше и больше. Кажется из них кажется, что Островский только что ненадолго вышел отсюда.

За день Московский музей Островского посетают не менее двухсот человек, а в Советском бывает тысяча. Есть еще дом-музей в Шенетовке.

Искренне и глубоко переживают встречу с Островским все, кто сюда приходит. Неприглядный след оставляет она в сознании, в душе.

«Когда уходил из Музея Островского, то чувствовал, что ты стал чище душой... читаем мы в книге отзывов Московского музея... Все меньше заботы и личных невзгод заслоняют величественной фигурой писателя-борца, вкладывающего в душу так много хорошего, светлого, не поддающегося для простого выражения обыкновенными словами».

И рыдают: «Надо всем так любить отчину и ненавидеть зло, как любил и ненавидел Н. Островский».

«Чем больше будет таких людей, как Островский, тем быстрее мы построим коммунизм».

«Островский жив! Он вместе с нами сейчас воплощает в жизнь прекрасную мечту человечества — коммунизм».

Кто авторы этих строк? Советские люди разных возрастов, профессий, национальностей, пришедшие, приехавшие, прилетевшие сюда со всех концов нашей страны, с востока и запада, с юга и севера.

В доме Островского можно постоянно встретить и гостей из-за рубежа: из Китая и Чдаи, из Польши и Бразилии, из Кореи и Пакистана, из Кубы и Вьетнама, из Аргентины, Испании, Финляндии, Уругвая, Чехословакии, Австралии, Монголии, Индии, Венгрии, Японии, Болгарии, Нидерландов, Румынии, Португалии, Албании и других стран.

«Проведения Н. А. Островского пользуются в Китае большой популярностью», — говорит китайец — потому что его книги — это книги борьбы. Они как огонь зажигают сердце китайского народа в его трудной борьбе».

«Его сочинения» вдохновляют народ и молодежь других стран на борьбу, на работу и на учение», — отмечают албанцы.

Все ярче и ярче разгорается пламя его большой, замечательной жизни.

Островский не мыслил себе счастья без борьбы. Заветной мечтой его было находиться в строю, в рядах действующей армии, на переднем крае, и тогда, когда он переживает существовать. Хотелось служить людям оружием своего слова и после своей кончины.

Его желания стали действительностью. Он ездил и в нас, вечно живый Николай Островский, комсомольский вожак, верный сын великого, героического советского народа, пламенный боец за коммунизм, за мир, за свободу и счастье всех трудящихся земли.

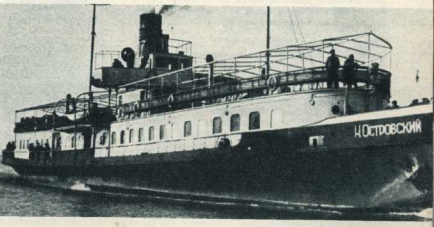
В годы Великой Отечественной войны в боях с фашистскими оккупантами участвовал самолет «Николай Островский». Самолет был построен на средства, собранные комсомольцами и молодежью одного из заводов Куйбышев, и подарен советским воинам.

Под Ленинградом громя иноземных захватчиков танк, на броне которого было написано: «Николай Островский».

Паровоз № 3-1126 Юго-Западной железной дороги носит имя Николая Островского. Его обслуживает лучшая комсомольско-молодежная бригада.

Волгитившись «в парходы, сточки и другие долги дела», живет в памяти советского народа Николай Островский.

ВЕРНЫЙ ДРУГ

Над берегом, над морем ночь глухая.
Линью тучи хмурые полагал.
Грохочет Балтика, не утихал,
Черным-черна, ложила на мазут.
Из кубринов невнятный свет струится.
Так слет дружка-матросы крепким сном.
И жидкому, наверно, что-то снится:
Простор морской...

...село...
...веста...
...дом...

Я на посту!
Я нынче отвечаю,
Как на первом крае, как в бою,
Пред матерью, что, копящая качая,
Поет ребенку «Баюшки-Баю»,
Пред учителем с седыми прядями,
Склонившимся над детскими тетрадами,
Пред шатером, что сплвнз в зной,—
Земля моя родная, пред тобой
За мир, за все хорошее на свете,
Здесь, на морской границе,
я в ответе.

...Мне памятна заснеженная осень,
Тот день, когда впервые бомбы сбросил
Фашистский самолет на мой колок,
Иде я мальчишкой-непоседай рос.
Амбары стеллажи — там тонны хлеба.

Над школой черный дым закрыл полнеба.
Убитый школьный сторож у порога
Упал на жесткой каменной настилке...
Еще вчера заботливо и строго
Берег он школу и цветы растил.

Как от деревни милой далеко я!
Но в памяти моей стоит она,
Да я отлично знаю, что такое
Война.
Поем мы песни миру и труду,
Но если что...

...то я не подведу!

Корабль на рейде. На просторный ют
Собрались моряки. Плот,
Несется песня над простором моря.
Звонит баян, веселой песне вторит...

Подходит мишман, человек-душа,
И говорит:
— Погода хороша!
Мы ложим книгу до конца прочесть...
И моряки смеются с ним рядом сесть.

Шуршат листья. Последнюю главу
Мы слушаем, дыльные затав.
Корчагина как будто издав
Неутомимым, бодрым звуку я.

...Ночь. Поздний час.
Все спит давным-давно,
А в комнате его не гаснет свет,
Хоть безразлично, есть он или нет:
Корчагину попрежнему темно.
Скаж карандаш и мысленно ругая
Пронзительную болезнь и слепоту,
Рукой на ощупь водит по листу,
И мысль свою и волю напрягая.
Пот на лице. Работа не легка.
Но за строкой рождается строка...

Дочитана последняя страница
О жизни настоящего бойца.
У нас у всех торжественные лица,
Наполненные гордостью сердца.
И в каждом зрелт мысля:

...слепой и хворый,

Трудился он не покладая рук.

А как трудиться должен я, который
Здоров, силен и вижу все вокруг?!
Усы разгладила, мишман произнес:
— Да, он невагод намлоо впервые,
Но не сдавался, не робел вовек.
Вот это человек, так человек!..
И, молча трубку табаком набив,
Сказал, окинув взором нас отцовским:
— А, впрочем, Николай Островский жив,
Раз эта книга создана Островским!

* * *

На баке командир построил нас
И выйти приказал громил из строя.
Всея оглядел, он объявил приказ:
Поедут в краткосрочный отпуск трое.

...Ночь за окном. Все дальше поедз мчится.
Мой путь домой лежит через столицу.

Вот я в родной Москве. Стою у дома,
Где жил Островский. Здесь музей сейчас.
Все ново для меня и незнакомо:
К Островскому иду я в первый раз.
Вхожу с волнением на второй этаж.
Как будто ты, любимый мой писатель,
Сейчас, при встрече, руку мне подашь,
Пригнешь попросишь у своей кровати
И задумчиво мне задашь вопрос:
Как, мол, дела, как, мол, живешь, матрос?
И стыдно мне перед тобой до боли:
Я из того, что мог, не сделал сотой доли.

* * *

Народу в комнатах — не перечесть.
Хочу, на стендах надписи читать.
Вдруг слышу:
— Здесь сегодня молодежь
Китай.

Вот гости стали в тесном полукруге,
И о тебе, о незабвенном друге,
Беседуют с собравшимися двое:
Чжан-мин и Чжао Сянь-юань, герои.
Они свои бесценные медали
От всей души музею передали.

Эти боевые медали сняли со своей груди и подарили музею Н. А. Островского герои Китайской Народной Республики Чжан-мин и Чжао Сянь-юань. Так трогательно выразили свое восхищение и любовь к Н. А. Островскому отважные китайские воины.

«Друзья!» — проговорил герой Чжан-мин, —
Островский в сердце каждого из нас!»
И, словно сговорившись, как один,
Заполнили а ладони мы тотчас.
Как будто в этот ладный зал
Вошел наш друг и что-то нам сказал
Про молодость, про пыл, про гром атак,
И это мы его встречаем так.
Мы слушали маэстро, слов не понимая,
Но если б даже не переводили,
То я, не знавший языка Китая,
Душой бы смысл их понял без усилий,
Мой отчий дом в колхозе под Орлом,
Его — на берегу реки Ляньцз.
Но от начала до конца пойдем
Мы с ним друг друга.

Друзья — наш язык.
Его смывает Чжао Сянь-юань.
— В тот день, когда мы заняли Хайнань,
Вручил мне две медали генерал.
И руку, как отец родной, пожал.
Была ночью бой, который никогда мне
Не позабыть.

Все рушилось. Казалось,
Что даже и расколотого камня
На острове Хайнани не осталось.
И здесь Корчагин, встав незримо с нами,
Нас адресовывал, как боевое знамя.

Завет мы старей помнили в походах,
Что если пьешь ты из колоды воюя,
Не забывай, дружище, про того,
Кто пострадал в колхозе родном.
Мы помнили Островского в бою,
Он и в труде нам дорог,

потому
Свою награду эти отдаю
В знак благодарности за все — ему...

* * *

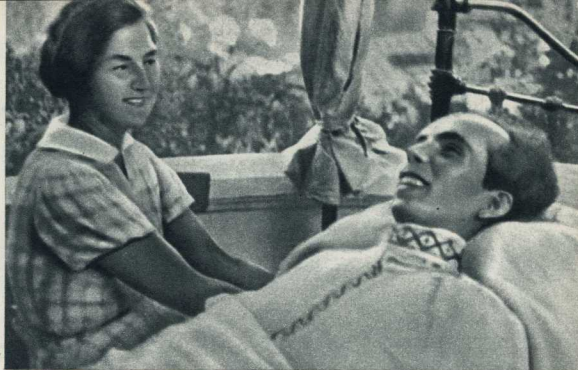
...А море все сильнее бушевало,
И с каждым часом повышался баян,
На, напрягая силы, у штурвала
Я, комсомолец-рулевой, стоял.
Меня срывало с места. Я промок,
Нещадный дождь был непомерно жгуч.
Вдруг, изгибаясь, молнии клинок
Ресек свищующую громаду туч.
Кругом встали волны не дыбы,
Казалось, что не выдержим Борьбы.
Но я еще сильнее скаж штурвал,
Когда вдруг всплыло в памяти мое:
«Бывало ведь Островскому трудней,
А он дергался, он не унывал.
И снова нас я ваяту на ветру,
Пока мы не вернулись в порт к утру.
Смирившись с ваяти, мишмана я встретил.
— Ну, как дела?
— Прекрасно! — я ответил...
Мне кажется, что в этот раз
Островский находился среди нас.
И мишман улыбнулся, глядя вдаль:
— Не зря читал «Как закрывается сталь».

А я, взглянув на мостик, на штурвал,
Что пять минут назад в руках держал,
Вдруг вспомнил день, когда свои медали
Китайские герои передали
Музею в дар за то, что мы не раз
Островский помогал в суровый час.
А вот и мне помоги он,
потому

Предела нет волею моему:
Чем мне его теперь благодарить?
Я тоже б мог награды подарить.
Но у меня пока что нет заслуг.
Я радостой! Не заманит чем-либо,
Тогда прими, наш неизменный друг,
От всей души
матросское спасибо!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

М. А. Островский в Сочи. У постели писателя — его жена Раиса Порфиревна.

Посредние двора, окруженный четырьмя старыми, покосившимися скамьями, — толстый, раскисший дуб.

Здесь вместе с нами и поселился Николай Островский, будущий писатель, автор книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

***

...Отмахать Николай совершенно не умел. Целыми днями он бродил по городу много читал, меня книга в городской библиотеке не держала два—три дня. Я часто его сопровождала в этих прогулках, вместе с ним ходила в библиотеку. По дороге мы много разговаривали. Николай вспоминал о товарищах, с которыми был оживлен переплыв, мечтал о том, как горячо возьмется за работу; ему все казалось временами: и болезнь, и постель, и инвалидная книжка.

Неоднократно Островский ходил в районный комитет комсомола с просьбой пригласить к нему группу молодежи для политзанятий. Товарищи из райкома советовали ему пока отмахиваться, лечиться и не думать о работе.

Однажды я зашла в комнату Николая. Он был какой-то рассеянный, грустный. На вопрос, что случилось, он горячо заговорил:

— Надоело мне ноги, которые отказываются служить, надоела пенсия, надоела пенсионная книжка, которая залежалась в кармане и жжет огнем, надоело один и те же слова: «Отдохни, подлечись». Как люди не поймут простой вещи, что у меня в груди бьется сердце, которому только двадцать два года!

Прошло две недели. В течение этого времени Николая все чаще и чаще мучила острая боль в суставах. В черных и голубых его глазах зажегся нехороший, сухой огонек.

Вечерами, если мы не бродили по улицам города, Николай всегда бывал дома. Но однажды он не вышел к ужину. Я постучала в дверь его комнаты. Мне никто не ответил. Притворив дверь, я увидела, что комната пуста. Мною овладело беспокойство. Были глубокие сумерки, и Николай уже не мог сидеть во дворе с книгой, как это часто он делал. Я вышла на улицу. С моря дул свежий ветер. Долго и приятно

воглядывалась я в темноту, стараясь не думать о том, чем дулолось против воли: подавленное состояние Николая все эти последние дни и сухая рука с лежачим на ладони браунингом. Он поднимает черный револьвер: «...этой штукой все можно сделать».

За ночь много раз и выходила за калитку. На востоке уже слабо намечался блесный рассвет. Вдруг я услышала знакомые шаги. Это был Николай.

Он рассказал мне, что вечером был на собрании городского партявкома в клубе имени Демьяна Ведного, выступил там. Когда окончилось собрание и участники его разошлись, Николай медленно побрел домой. Не зная города, он направился в противоположную от дома сторону. Ити было трудно, болели ноги, мешали костыли. Дошел до берега моря. Сел на скамейку в сквере у здания райкома партии и устроил вместе со своим «я» заседание «политбюро», на котором стоял вопрос о «предательском поведении» тая.

Этот вечер и размышления Островского впоследствии вошли в книгу «Как закалялась сталь». В старших книгах Павел Корчагин задает себе вопрос: что делать, когда тело отказывается служить? Расстрелять его?

Размышления в книге заканчиваются так: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Такое решение принял Николай Островский. Это решение он вложил в уста Павла Корчагина, героя своего произведения.

***

Зимой 1926 года болезнь Николая резко пошла на улучшение. Начались сильные боли в суставах. Скамьи, подальше стояли, лепо ежедневно лежал Николай на спине. Ничего не оживало редко и ненадолго.

Но, несмотря на болезнь, он с присущей ему настойчивостью и упорством стал заниматься самообразованием.

«Просторная комната залита солнечным светом. Николай лежит в постели, голова его покоится на высоко взбитых подушках. Рядом на стоке стока журналов и книг.

У Николая сидит заведующий портовой библиотекой Дмитрий Хоруженко. Он не был знаком с Николаем, но слышал о нем, о его болезни и, побуждаемый чувством партийного и товарищеского долга, пришел к нему с предложением саябить книгу на дому.

Николай несказанно обрадовался.

— Замечательно! Значит, я буду подшефным читателем? Лучшего для меня и быть ничего не может! Тащи книги, Митя.

— Книжки книги тебе нужны в первую очередь! — спросил Хоруженко.

— Из нашей отечественной литературы давай все: Горького, Новикова-Прибоя, Серафимовича, Лавренко, Свицкого, Фурманова, — и все это должно перечитать. Классиков тоже.

Подходил к Шосейной улице, которая ничем не отличается от сотни подобных ей в Новороссийске: одинаковые однотонные каменные дома с зелеными палисадниками. Узкие мощеные тротуары. Разбитая колесами булыжная мостовая густо покрыта пылью.

На углу — наш небольшой кирпичный дом. Калитка, красный забор, через который перегибаются ветви акаций. Во дворе — небольшой фруктовый сад, клумбы с цветами и грядки. Там же стоит неуклюжий, самодельный турник.

ПИСАТЕЛЬ — ЭТО БОЕЦ, УЧИТЕЛЬ, ТРИБУН

ИЗ ПИСЕМ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. ОСТРОВСКОГО

...Каким должен быть писатель нашей страны? Это прежде всего — строитель социализма, а не равнодушный созерцатель. Это — боец, учитель, трибун.

Дело чести советских писателей — создать образ молодого революционера нашей эпохи, эпохи пролетарской революции. Кто же должен быть героем этих книг? Молодежь, которая боролась вместе с отцами за советскую власть, а теперь строит социализм. Люди прекрасные, жертвенные, героические.

Художник должен чувствовать под собой крепкую советскую землю, не отрывать от нее. Печальна участь тех, кто отрывается от коллектива, возомнив себя сверх-человеком или непризнанным талантом.

Надо обрести высокое звание писателя Советской страны. А мы знаем, что только честным трудом, большим трудом, напряжением всех своих духовных и физических сил, беспримысленной учебой, только непосредственным участием в борьбе и строительстве — писатель завоеует свое первобытное место в строю. Нельзя жить только старой славой, старыми победоми.

Я хочу, чтобы во время чтения моей книги читатель ощущал прекраснейшее из чувств — чувство преданности нашей великой партии.

М. Джигоркин

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

— А переводную литературу давать?

— А вот насчет переводной — слава Николаю, — очень бы хотелось сделать так: будешь подбирать отдельно французских классиков, отдельно немецких и английских. Понимаешь, я с ними не очень-то знаком. Нужно, чтобы в чтении была определенная система... На другой день стала поступать книга целыми пачками. Николай потянул их с удивительной быстротой.

Те долги зимние вечера, когда Николай не читал, мы проводили у его постели, слушая задушевные рассказы о недавнем прошлом. Он рассказывал нам о годах гражданской войны и интервенции, о борьбе с белыми бабками, о строительстве узкоколейки, о поездке на съезд комсомола в Москву.

Рассказывал так, как будто тот или иной случай происходил с одним из его друзей. И только после, иногда лишь на следующий день, мы узнавали подлинное имя героя.

— Почему же ты не сказал нам сразу, что это произошло именно с тобой? — возмущались мы.

— Просто как-то неважно держиваться. Скажете, что хвастаете. А кроме того, не называя себя, я могу как бы со стороны наблюдать, как воспринимаются нами действия героя. Знаю, что герой я, вы, пожалуй, отнеслись бы к нему пристрастно.

— Ты позднее, уже в период работы над романом «Как закалялась сталь», он ипномнил мне об этих рассказах:

— Ты знаешь, я уже в то время следил за нашим отношением ко всем эпизодам, и у меня сразу пришла мысль составить из них связную повесть для нашей молодежи. И насколько волнующей могла бы быть эта повесть, я старался угадать по вашим лицам.

Кроме умения увлекательно и образно рассказывать, он обладал необычайной способностью излагать в рассказе столько чувства и теплоты, что слушатели его часто были потрясены. Он горел, весь уходил в боевое прошлое, забывая о собственной личной трагедии. Мы могли слушать его часами.

***

Время шло. Николай, казалось, свыкся со своим положением. Он был доволен работой в кружке. Ребята, комсомольцы, приходившие к нему на занятия, ценили и уважали своего пропагандиста. Николай твердо надеялся на дальнейшее. Но... в эти дни и началось самое страшное.

Рано утром Николай позвал меня в комнату. Я вошла и поразились небывалой бедностью его лица и выражением, которого я никогда прежде не наблюдала.

— Рая, — Николай очень волновался. — Рая, у меня что-то с глазами происходит. Давайте. Они нестерпимо горят, засохли какой-то слезой. Я боюсь, Рая... Голос Николая дрожал. — Я думаю, что...

— Не думай, глупецкий, Коля, — перебила я его, — вызовем опытных окулистов, все пройдет.

Врачи ничего определенного не говорили. Николай требовал, чтобы сказали правду. Он полагал, что ему грозит слепота...

В эти дни он как-то притих, затаялся. Его глаза сверкали за темными стеклами очков. Брови нахмурились. Радионаушники — последнее, что связывало его с окружающим миром, — теперь снимались только на ночь...

Вот тогда-то он и задумал написать повесть о первых комсомольцах, о хитрости, закаленной оном. Брови нахмурились. Радионаушники — последнее, что связывало его с окружающим миром, — теперь снимались только на ночь...

«У меня есть план», — писал он одному из своих друзей, — имеющий целью напомнить жизнь, содержание, необходимость для индивидуальной жизни. План этот очень трудный и сложный...

...То, что я сейчас приписываю к постели, не значит, что я большой человек. Это неверно. Это чушь! Я совершенно здоровый парен. То, что я сейчас не делается, это и не черта не вижу, — сплошное недоразумение, idiotская штука, сатанинская! Если мне сейчас дать хоть одну ногу и один глаз, я буду такой же... как и любой из вас, дерущихся на всех участках нашей стройки...

Осенью 1930 года Николай Островский начал работать над своей книгой «Как закалялась сталь». Островский снова вернулся в строй бойцов за социализм.

Он так и сказал о себе: «Я счастливый человек...» Сказал убежденно и просто. Нельзя было не поверить ему, и сочинские коммунисты, которые пришли в маленький домик, чтобы посмотреть творческий отчет писателя, поверили ему.

Он был счастлив, несмотря на редкую и страшную болезнь, которая приковала его к постели. Счастье Островского было счастьем матери и моих товарищей — издательские работники. Коммунистом он остался до последнего своего вздоха.

***

Я впервые увидела Островского в период его работы над романом «Рожденные бурей». Было это зимой 1935 года.

Когда мы вошли в высокую, затененную шторами комнату Николая Александровича, я замечала читаво — издательские работники — стулуют бесшумно на носках, как в больничной палате. Со стесненным сердцем я взглянула на человека, неподвижно лежащего на высокой постели.

— Здравствуйте, товарищи! — услышали мы удивительно звный голос.

Большелобое, смуглое, словно опаленное южным солнцем лицо улыбалось такой улыбкой, что нише смущения, жалость, даже страх перед этим зрелищем человеческого страдания бесследно исчезли.

Завязался непринужденный разговор.

— Знаете, друзья, у меня, я считаю, еще не было хорошего редактора. А ведь над книгой надо много работать! Представьте, я здесь читаю в одной украинской газете... то есть, вернее, мне читают (я это по привычке говорю — «читаю», «вижу»)... так вот, читают мне статью «Великий пролетарский писатель». Это обо мне!

Альксеевич зарезалительно смеялся как-то особым, грудным смехом.

— Мне учиться надо... серьезно, с досадой добавлял он. — А они захваливают, вместо того чтобы поучить.

Минуту спустя он заметил с усмешкой:

— А ведь я «как закалялась сталь» наизусть знаю...

Мы переглянулись и промолчали.

— Здесь нет ничего непонятного, — добавил Николай Александрович, улыбаясь наше удивление. — Я не вижу текста своей рукописи, поэтому я всю ее помню. Могу прочесть любую главу.

А потом спросил у нас:

— Скажите, сколько экземпляров моей книги вы напечатаете? Только десять тысяч? Да вы не подумайте, что я о гонораре говорю. Это меня мало интересует. Важно, чтобы книга шла в массы молодежи широким потоком...

В комнату бесшумно вошла остра писатель, Екатерина Алексеевна: срок нашего свидания истек.

Мы попрощались с Островским и вышли. Впечатление от этой встречи было настолько сильным, необычным, что мы долго не могли прозвонить ни слова.

Через два — три дня в издательстве меня вызвали к телефону.

— Говорит Островский.

Я крепко стиснула трубку, в которой звучал голос моего героя Островского. Николай Александрович дал меня к себе сегодня же, немедленно, помочь ему в комплектации библиотеки. Я пригласила работницу издательства, и через несколько минут мы были у Островского.

Он встретил нас как старых друзей. Пока работник издательства осматривал книжные шкафы и делал пометки в записной книжке, Николай Александрович попросил, чтобы я рассказала о себе. Я коротко рассказала о своих комсомольских годах.

— Я так и знал! — с ребельской радостью воскликнул он. — Мы с тобой комсомольцы одного призыва...

В третий раз я увидела Николая Алексеевича особенно радостным. Это было в один из тех дней, когда ему удавалось много и успешно поработать.

— Занал свои секретарей, двух дамочек девушек, — весело сказал он, — а сам, как видишь, ничего.

Он попросил меня сесть поближе и задумчиво спросил:

— Я хочу тебе спросить... но только — заклинаю тебя — говори правду. Девчонка честное слово! Слова большевики!

— Даю.

— Как я выгляжу? Каков у тебя впечатлений? Только правду говори...

Я ответила, что впечатление у меня единственное и очень ценное — это впечатление радости, жизни, здоровья.

Николай Алексеевич промолчал, но лицо его просветлело.

— За оном приглушено пел автомобильные гудки. Глубокие, едва слышимые толчки взрывов раздалась где-то внизу под домом.

— Тоненько ронот, — объяснил Николай Алексеевич. — Ночью иногда я подолгу слушаю, как они бравят, взрываются прямо под мою комнату. Молодцы, ребята! Вот пожать бы им руки!

— Друг мой! — медленно сказал он через минуту. — Если тебе скажу, что вот сейчас у меня нечеловечески болят глаза, ты поверишь?

— Я не могла удержаться и вздрогнула:

— Нет... не поверю.

Николай Алексеевич грустно усмехнулся.

— Боль слезные глаза. Представь, что тебе под веки насыпали крупного песка... Жжет, неволю, больно. Мне предлагают оперировать глаза. Говорят, будет легче. Недалоко. Одно-го боюсь, что больнее подберется к мозгу, к штабу. Вот это уж будет непорочно.

Я не могла скрыть своего восхиления. Может быть, Николай Алексеевич услышал неровное мое дыхание, он ясно увидел и серьезно сказал:

— Пустяки, дружок. Я научился преодолевать боль. Видишь, ты присела весь вечер и ничего не заметила.

«В следующий раз я застала у Николая Алексеевича группу военных моряков. Ширококопые, загорелые здоровяки сгрудились у постели Островского. С жадным любопытством расспрашивали Николая Алексеевича об их учебе и жизни. Они рассказывали о подводной лодке, вез личной состав которой, вплоть до носа, награждены орденами.

Моряки ушли, стараясь ступать очень тихо. Только теперь я увидела, как сильно утомлен Николай Алексеевич. Он лежал без движения, без слов, с перекосившим губами, с потухшими, обостренными лицами.

— Пойду, — сказала я и подыалась.

— Нет... ты отключился он — Посиди немного.

Я боялся пошевелиться. С улицы доносились шепсел ступ, трамвайный звонок, гонор, смех. Николай Алексеевич прислушивался в эти звуки, с усилием подыая тонкие брови. На чистом юношеском лбу его легли глубокие складки, он нашел мою руку и легкою ударила меня по ладони:

— Говори, говори, я слушаю.

— Я принялась рассказывать о каких-то пустяках. По лицу Николая Алексеевича бродила улыбка. Слабая, длинная, детски худая кисть беспомощно лежала на одежде. Как только я закончила, Николай Алексеевич ласково, чуть слышно попросил:

— Еще рассказки!

— Не испытывай ли он в этот момент один из страшных приступов боли!

Я рывком встала и хотела уйти.

— Кажется, ты играешь на пианино! — то-ропливо спросил Островский. — Надо бы поиграть немножко.

— Ему хотелось, чтобы около него шумели человеческие голоса, звучала музыка, смех.

Пройдет несколько лет — и зашумят зеленой листвой эти молодые деревья, любовно посаженные пионерами подмосковной Куриловской школы.

Фото Г. Борисова.

Сколько смелости и воли, сколько высокого спортивного мастерства нужно для того, чтобы взбираться по отвесным скалам! Это по плечу только опытному альпинисту. Комсомолка Надежда Щигалова имеет второй спортивный разряд по альпинизму. Своей отпуску она ежегодно проводит в горах. На снимке: Надежда Щигалова в горах Кавказа.

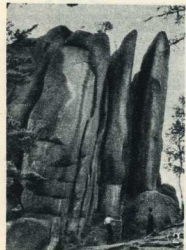
Фото Н. Драчинского.

НА ВЕРШИНАХ КРАСНОЯРСКИХ СТОЛБОВ

Фотоочерки К. Вацнадзе и В. Федосова.

Прекрасна суровая и величественная природа Сибири. Сколько здесь интереснейших заповедных уголков! Особенно славятся знаменитые Столбы — многочисленная группа скал вулканического происхождения в окрестности Красноярска. Это — любимое место сибирских альпинистов.

В туристской базе заповедника они проводят свои каникулы, отдыхают или воскресные дни, закаляя мускулы и волю. Не случайно именно отсюда начали свой путь к вершинам спортивного ма-

стерства известные альпинисты заслуженные мастера спорта братья Виталий и Евгений Абалаковы.

Пригородный поезд Красноярск — Балазга останавливается на станции Енисей. Километра три дорога пролегает вдоль поселка, а затем, свернув влево, в ущелье, идет по берегу холодной и прозрачной горной реки Лалетной. Чем дальше идешь, тем круче становится подъем.

Последний короткий привал, и неподалеку от родника с обжигающе-холодной, но очень вкусной

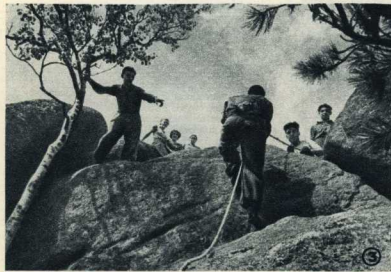
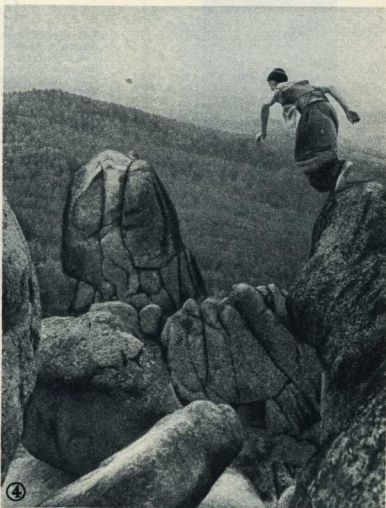
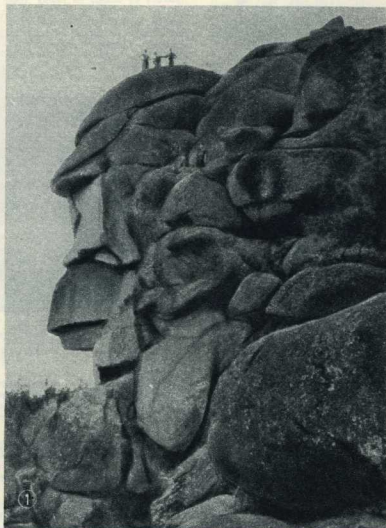
водой тайга расступается. Вот уже среди деревьев показались первые домики. Это и есть туристская база заповедника. Отсюда хорошо видны вершины Первого и Второго Каменных Столбов.

Трудно передать словами своеобразную красоту этих причудливых каменных громад на фоне изумительно живописной природы. Не об этих ли местах великий русский художник Василий Иванович Суриков писал, что они по своей живописности несколько не уступают швейцарским ландшафтам?

Посмотрите на фотоснимки. Как напоминают странные очертания этой скалы (снимок 1) суровый профиль бородастого старика! Так и называется эта скала — Дед. А вот другая скала (снимок 2); она состоит как бы из гигантских перьев, вырванных в полете сказочной птицы и воткнувшихся в землю...

Низко плывут облака над вершиной Второго Столба. Он кажется недоступным. И действительно, трудно взять эту вершину. Но зато какая неповторимая картина открывается отсюда! Далеко внизу простирается необозримая тайга. Высокие сосны, сплошь покрытые лесом, похожи на застывшие изумрудные волны. В ясные дни с вершины Второго Столба видно, как у самого горизонта поблескивает на солнце серебристая лента Енисея.

От смельчаков-скалолазов требуется большая выносливость, они должны обладать крепкими мускулами и хладнокровием. Отважные спортсмены забираются на отвесные каменные глыбы, используя малейшие выступы, углубления и шероховатости (снимок 3). В кожаной обуви взобраться на Столбы невозможно. Поэтому все местные скалолазы носят резиновую обувь, подошва которой как бы «прилипает» к скале, облегчая подъем и спуск.

Многие красноярские студенты и школьники, увлекающиеся этим интересным видом спорта, стали настоящими мастерами скалолазания. Они легко форсируют самые трудные вершины Столбов — Второго и Первого, выбирая наиболее сложные пути подъема. Иногда, чтобы не тратить времени и сил на обход, скалолазы совершают рисковые прыжки. На одном из снимков вы видите, как уче-

ник 8-го класса 33-й школы гор. Красноярска Юрий Зырянов прыгает со скалы на скалу (снимок 4). На другом снимке запечатлен момент подъема на Второй Столб большой группы молодежи. Впереди — научный сотрудник Сибирского научно-исследовательского института лесного хозяйства Ипполит Попов и ас-

пират Красноярского лесотехнического института Аркадий Караваев. Они помогают преодолеть отвесный подъем, так называемую «двойную стенку», респектевскину Новосибирской центральной поликлиники Тамаре Кузнецовой и красноярским студенткам Нине

Рудневой и Альбине Салабай (снимок 5). А вслед за ними поднимается еще одна группа. Это школьники во главе с отличником скалолазом учеником 9-го класса одной из красноярских школ Володи Ермоловичем (снимок 6).

Небезинтересно отметить, что со Столбами связаны немало героических эпизодов из истории рево-

люционная молодежь еще чаще стала ходить на Столбы. Сохранившиеся и поныне надписи масляной краской, сделанные на скалах десятки лет назад, отражают борьбу трудящихся Сибири против царского самодержавия. На отвесных склонах Столбов можно прочесть надписи: «Губернатор — мошенник», «Социализм будет», «Долой Колчак!» и т. д. На самом неприступном месте Второго Столба ярко белеет слово «Свобода» (снимок 7). Оно было написано рабочими-революционерами еще в 1895 году. Цветно пыталась полиция уничтожить эту надпись. Вышедшая двухметровыми буквами, она сохранилась и до наших дней.

Борис ДУБРОВИН

СЛЫШИШЬ ЛИ МЕНЯ, ТОВАРИЩ ВЗВОДНЫЙ?

Рисунки В. Каменского.

Есть!

Так встречается с правдой
Лицом к лицу,
Так под пули
Шагают в рост...
Мне — тогда необстрелянному бойцу —
Друг мой бросил:
Такой вопрос:
«Смог бы ты, как Матросов?»
Иска ответ,
Но сумел промолчать тогда.

Я себе не решился признаться:
НЕТ.
И не мог я ответить:
ДА.

Пусть медали звенят
На солдатской груди,
Салюту
Первую в жизни команду:
— Иди
И свое некрещеное:
— Есть!

Помню, в горы врубались
На тропке вьюгой,
Сосланные братьями Аля...
Трудновато впервые
Досталось мне то,

Что давалось потом
Без труда.

И я понял, что
Мужество,
Сила и
Честь —
Все, что звание солдата дает,
Начинается кратким и собранным
«Есть»,
А кончается —
Грудью на ды!

Разведка

Я прошел,
Прополз,
Прелез,
Проскользнул
Сквозь колючую проволоку,
Сквозь караул,
Прелезал я до ночи в воронке ничьей
И разведчика-друга принес на плече.

Донесенье мое
Простучала радистка:
«Обнаружена база аэродрома...»
Это началось
Морзе
Прерывистым писком,
Это кончалось
Бомб
Нарастающим громом.

Совсем недавно в журналах стали появляться статьи Бориса Дубровина: они посвящены нашей родной Советской Армии, мужеству ее бойцов и командиров, трудным будням войны и мира.

Для молодого поэта пребывание в армии было школой формирования собственного характера. Здесь он почувствовал «статусность» — честь и право говорить от имени солдата. Стихи В. Дубровина — это расставание с детским социальным мифом с утренними побуждениями, дальними поездками, учебными, а потом трудовыми буднями войны и, наконец, возвращением в отчий дом. Но при внимательном чтении легко заметить, что герой этих стихотворений имеет свое индивидуальное лицо, умеет дать политическую оценку каждому явлению. Он человек активного действия. Он ощущает себя неотъемлемой частью коллектива и не мыслит своего существования вне этой трудовой среды. В начале бы условия ни попадали лирической героини стихов В. Дубровина, он мужественно переносит любые испытания, он хранит священную верность воинской присяге, он готов пожертвовать собственной жизнью на благо Родины.

Хочется посоветовать молодому поэту: работай над материалами, посвященными армейской жизни, пристально всматривайся и в послевоенные мирные будни, пиши об этом. Подчас В. Дубровин грешит риторичностью, оннаивен в оценках, а в не покаянии их в действии. Но он обладает несомненными способностями и величайшим неподдельным искренностью. Пожелаем молодому поэту успеха в работе!

С. СМЕРНОВ

У костра

Меня шинелью накрывали,
Взвод в ожидании продвиг.
И этих спичек на привале
Исчиркал целый коробок.

Все чиркал, чиркал, чиркал в песшке,
Вот огонек из-под руки.
Но ветер, будто бы в насмешку,
Срывал со спичек лепешки.

Когда кора запалахаа
И нас окутала жара,
Мне жалко стало искры малой,
Во тьму летящей от костра.

И вдруг из тьмы охрипший голос:
— Ну как, ребята, разожгли?
У нас никак не схватит хворост,
Бы б по-соседски помогли.

— Или сядь. Кора сухая.
Тащи, но жалко, дорогой.
Тови видишь, головня какая?
Бери.
Огонь не потухает,
Коль от него зажут другой.

Ревность

Казарма все тише и тише,
Уснула, спокойно дыша.
И слышен шумеливый по крыше
Дождя настороженный шаг.

Солдат приводилась на ложь,
Всмотрелся во тьму и молчит,
Как будто бы так недалеко
Сибирь возникает в ночи.

Ни с кем он сомнений не делит.
Не ведает даже сосед:
Не день,
А четыре недели
От девушки весточки нет.

«Наверно,
Закружена вальсом,
Румяна, пивмот, горляча,
И легкие милье пальцы
Коснулись чужого плеча.»

Как в голову летит упорно
Кружащийся за валеком
Где тонкие пальцы покорию
На шпатеком лежат пиджаке.

Такое в груди нахлещало,
Что, кажется, вырвется крик.
Не спит отделенный Огелло,
Глаза прикрывая на миг.

Письмо его коротко было,
И в строчках ни капли тепла,
Чтоб имя его позабывал,
Чтоб письма его порвала...

Письмо это вечером черным
Сквозилуло под своды палат,
Где тонкие пальцы покорию
Легли на больничный хаплат,

Где вот уже третья неделя
В палате лежала она,
Где тихо слова шестестали,
Где сестры не ведали сна,

Где ночью губами сухими,
У стирной сестры на зяду,
Его немудреное имя
Она повторяла в бреду,

В отпуск

Дождь на плечи прыгает с крыши,
Льет за ворот, брызжет мне в лицо.
С каждым шагом, с каждым метром
Ближе
В три ступеньки старое крыльцо.

Вижу свет знакомого окна я,
Тороплюсь к родимому огню,—
Кажется, что вьюность догоняю.
У крыльца, наверно, догоню.

Только мать озыбаа на дороге,
Видно, вышла, старая, чуть свет,
Снавно ожидая, на пороге
Так вот простояла восемь лет.

В том пакте, спускающемся, бежом,
Как тогда, промокшем от дождя,
Снавно и оправить не успеаа,
От дороги глаз не отводя.

Я бегу, людей не замечаю,
К ней бегу... И вот мы у ворот.
А глаза ее не разлучаю,
Снавно дождь увидать не даю.

Выдохнула седенькая:

«Ворька!»
И шинель промокшую сняла,
Помолчала
И сказала золью:
«А шинель, сыночек, тяжела!»

Ромашка

Старшины, сержантов, офицеров
Приветствия у входа в сад,
Воскресным годовым сверком
Идет задумчивый солдат.

Как пограничная фуражка,
Круглаа лужайка, зелена.
Белоголовая ромашка
В траве некошеной видна.

И серые глаза солдата
Взвеснули, будто он впервой
Цветок увидел, что от взгляда
Упрядан убитою травой.

Как будто не ему на марше,
Когда к земле пришла солдат,
Луга головками ромашек
Кивала день тому назад.

Как будто не ему без края
Шумела степных цветов прибой,
Где небо, к полям припадая,
Как он, солдат, рослось с травой.

И в какой бы ни была я одежде,
Остановив суровый взгляд,
Простой ромашкой изумленным,
Так много видевший солдат.

Ветка

В увольненные вышел я за город,
Разглядела в расцветной полулуге:
Сломанная ветка под забормом
Забит одиноко на земле.

Но прошла я равнодушно мимо,
Сналомом не наступил едва.
А на ветке трепетные дыма
Пробивалась первая листва.

И вернулась я. Пока не смята,
Подобрая ее и пыль густую смыла,
В страляную гильзу от снаряда
Я в казарме ветку посадила.

В жизни так случается нередко.
В детстве я и хрупкой была и мал.
Сиротю—самонной веткой—
Сам едва я в детстве не пропала.

Сорванец, колючий и безовой,
Я строгаа из щепок кораблей.
Только в год далекий и суровый,
Видно, люди мимо не прошали.

Не узнаю

Прух перепоисала оскока
В синеве задумавшихся вод.
И забор, казавшийся высоким,
До погона мне не достает.

Позабудешь прошлое едва ли:
Здесь когда-то бегали к леску,
И в заборе мы отодвигали
Эту потемневшую доску.

Садик в красных пуговицах вишен
Был большой, но отчего-то мал.
Оттого и кажется он ниже,
Что я сама намого выше стала.

К комнате приглядывалась лучше,
Над твоей кроваткой тот же вид:
Пастель ослепила, в лесу дремучем
Рядом с Красной Шапочкой стоит.

Ты вешала, ко мне подходила ближе.
Де же твой обычная коса?
В этом доме я впервые вижу
Необыкновенные глаза.

В голубея денничьем дадь сквозная,
Снавно ветра слушаю струю...
Погоди, да я тебя не знаю.
Знаю, но никак не узнаю...

Слышишь ли меня, товарищ взводный?

В зювеньком пальто и в шляпе модной,
В галстукте особой расцветки—
Не узнал бы даже зоркий взводный
Своего солдата из разведки.

Не узнал бы в гражданские лужем
И в его увереной походке
Паренька, что
прежде

неукаже,
Медленно наветывалаа обмотки...

И в какой бы ни была я одежде,
Жить могу, работать мне угодно.
Но солдат и все такой, как прежде.
Слышишь ли меня, товарищ взводный?

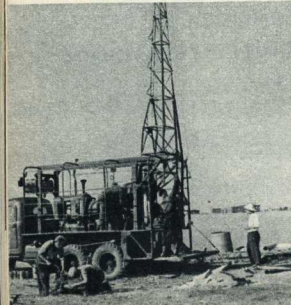

В свободное время Мария Бойцова под руководством Анатолия Остащенко изучает устройство трактора.

Агроном Валентина Сурново, учетчик Виктор Лочин и бригадир Василий Дьяченко замеряют глубину вспашки.

Более двух месяцев бурной гидрогеологию землю в поисках воды.

Фотоочерк Л. Раскина.

Широким, неоглядным простором Северного Казахстана.

Над горизонтом медленно вырастает солнечный диск. Чуть горьковатый, с запахом полынкой воздух недалеко кружит колючую слякоть. С каждой минутой жара усиливается, теплый поток ветра поднимает зыбучий туман, и невидимый становится следочулубым. В дрожащем мереке отдаленные предметы принимают расплывчатые очертания.

Степь, степь и степь. В ее равнинах, точно австрийские холмы, динички таянутся небольшие холмы. Между ними изредка сверкают сероюм плоские, круглые, как блинда, овраги или, словно везетные островки среди моря, возвышаются береговые рощицы.

Надрыве лавина эта степь нетронутой, будто снованная дремотой. Весной к оврагам свалились носки испуганных птиц, а осенью по степному ландшафту гуляло парвенитоном.

Но вот сюда, в этот необжитый край, весной нынешнего года со всех концов нашей страны приехали молодые патриоты, и степь преобразилась. Тышину нарушила гул тракторной. Остальные тяжелые пути крошались в землю, заблестели на солнце изрытые глыбы чернозема. На тысячи километров была поднята вековая почва. Там, где некогда качались белые султаны юности, зашумели высокие хлеба.

... На Петропавловска через всю степь бегут плотно укатанные дороги. Дни и ночь по ним спешат колонны грузовиков. На цепях везут тес, кирпич, трубы и изолучие свескоступки. Из встречку движутся машины с зерном. Земля, издевавшая трудом советских людей, дала первый урожай.

Вдоль дорог изверной стоит недавно построенная дома. Это центральная усадьба Нижнесибиного совхоза, одного из семи новых совхозов, основанных в этом районе.

Во второй тракторной бригаде Нижнесибиного совхоза работает комсомолец Сергей Назаров. Ему нет еще и семнадцати лет. Он, пожалуй, самый молодой работник в совхозе. У него добродушное, по-детски круглое лицо, каштановые волосы упрямо торчат на затылке вихром. Сергея старается говорить басом, хохотать басом, но никак эту манускрипту серьезность пробивается колючеюнальность и непоследовательность.

На цепьку Сергея приехал вместе с отцом из Ленинграда. Вначале степь, рассчитывавший выжить здесь легкой зарплатой, попался за дело горючо, но, столкнувшись с первыми трудностями, Сергей быстро охладил. Все чаще он не виделся на радио горючо и обидно за отца. Когда же коллектив предложил Назарову покинуть совхоз, Сергей вместе с комсомольцами, которые часто выплывают свой долг перед Родиной.

Трагически комсомольско-молодежной бригаде Василия Дьяченко, когда Сергея назначили бригадиром, полубойки этого паренька за при-

30x40-2m

моту и выносливостью. Одиноким, югды один из трактористов умышленно глубочину вспашки. Сергеев пришел к бригадирке и сказал:

— Не буду с ним работать. Ему наше дело не дожить.

На молодых бригадиром взял шефство Петр Петрович Колесников — опытный механик-тор, добрый, отзывчивый человек.

В степи вырастают новые дома для работников совхоза.

Петр Петрович приехал на цепьку не один — вместе с женой и тремя малыми детьми. Его не испугали ни временные неудобства с жильем, ни напряженный труд. Между ним и Сергеем установилась настоящая дружба. Сергеев с помощью Колесникова осуществляет свою заветную мечту — стать уездным трактористом.

В Нижнесибином совхозе немало отличных клубов. Комсомольско-молодежная бригада Ивана Морозова, соревнуясь с четвертой бригадой, которой руководит бригадир Михаил Кочетков, добилась высочайших показателей. Комсомолец Александр Овчинников, например, увеличил среднюю мялку много горожанин. В поле с ним работает бригадирка Мария Бойцова. Красивый вылет — мялка первенства — неизменно раздается на их тракторе.

На полевой стан приехал переднийной юности.

Глубоко взрыхляет в земле остывшие лавина. Тракторист Петр Колесников и бригадир Сергей Назаров поднимают цепьку.

СОВЕТСКИЙ

20440-294

Молодые хлеборобы стараются хорошо и своевременно подготовить землю под урожай будущего года.

Открыты земельные массивы совхоза. Молодой агроном Валентина Сурико целые дни проводит в походах на лошади, обходя поляные стволы. Вот она, досочник с лошади волея свежей борозды, измеряет глубину всащания.

— Мало поднять целину — говорит агроном бригады Василию Дьяченко, — надо так вспахать, чтобы вырастить обильный урожай. Земля здесь добрая. С любовью отнесешься к ней, и она отзовется на славу.

Валентина Сурико — молодой агроном, а ей приходится руководить и опытными хлеборобами. Она внимательно прислушивается к их советам.

Многому научилась здесь Валентина Сурико. Она, как и все степные новоселы, с гордостью вспоминает уже отстоявшие в прошлом первые дни пребывания на целине. Суровые испытания пришлось пережить прикащикам сюда на разных мест ковошей и девушкой — вчерашним топарям, чертожникам, машинистам. Колосцы, холодные ветры равли полотница палаток. По такому сцену, по волею в стужной воде приходилось переправлять через Ишим машины, оборудование и инструменты. Весной остро встала

проблема воды: совхоз отдален от реки почти на тридцать километров. Комсомольцы решили рыть колодезь для водохранилища. Мерзлота мешала копать толом, разбивали доски. Большую помощь работникам совхоза оказали гидромеханики. Более двух месяцев бурин они работали в поисках воды. Теперь на центральном участке действует несколько артезианских колодезев.

Растет в степи совхозный поселок. Уже построено немало домов и четырехзвездочных домов. Среди строителей первенство держат бригады Ивана Гужова и Николая Мартынова. Не отстает от них и бригада Алексея Колосова, в составе которой молодые ребята, недавно окончившие ремесленное училище. Валентина Шандарова организовала строительную бригаду девушек. Все члены ее бригады — ленинградцы, работает дружно и весело.

В новые дома уже вселенились жильцы. Среди них и сам бригадир Иван Гужов с женой Борой. Это первые молодожены на ишимской целине. Переехали из палатки семья транзитница Колосникова, строители Зина Макарова, Галина Ильина и многие другие. Со вкусом и любовью ухаживают они своим жилища, обособовываются прочно, надолго.

У новоселов большие культурные запросы, широкое интерес. На руки в руки на палочках ствах переходит священная газета, книжные новинки. Когда из районного центра прибывает в поселок передвижной ящик, его сейчас же окружают покупатели. Литература, спортивный инвентарь, музыкальные инструменты — все берется маршалам. Далекой Ишимской совхоза нечуждыми стали свезан со всей страной. Сюда идут ныма из Ленинграда и Одессы, с топой Кубани и предгорий Кавказа. Недавно молодые строители Юрия прислали в подарок ишимцам посылки с книжками. «Гордитесь вашей работой, машинам успехов» — писали они. — Ждите нас, дороги друзья!»

Вечерами, после работы на полях ствах молодежь играет в шахматы, танцует, смотрит кинофильмы.

Когда настала осень травы, под зрелые башки по кругу легко плывет девушка. Другие черные носы то обвивают ее тонкую фигуру, то разлетаются в стороны. Баян играет все быстрее, движения танцующей стремительней; аэрические дисметы сырельет — и девушка под шумные аллопья посреди поимы машины. Это в гости в рабочий-м совхоза приехала в гости в районного Дома культуры.

По в Ишимском совхозе есть и свои художественная самодеятельность. Мастерски владеет баяном молодой пианистка Саша Архипова, Галина Ильина читает стихи, а пианистка Зина Николаева неплохо танцует.

Но во время отдыха вокруг баяниста собирается кружок. Молодой сильный гитарист заводит песню, и она далеко-далеко разносится по степному простору. На своем небе зашумели звезды, легкий ветерок колыхает тулгу коловца. Все отступает вперед, словно покоченная степь прислушивается к голосам молодых хозяев земли.

Получены новые пластинки.

Вечерами, после работы, молодежь слушает музыку, играет в шахматы.

Часто вокруг баяниста Саша Архипова собирается молодежь.

В гости к новоселам прибыла агитбригада районного Дома культуры.

Заботливо ухаживают новоселы свои комнаты в новых домах, обособовываются здесь прочно, надолго.

Тетушка Тэри сидела перед раскрытым шкафом и пертела в руках шерстяные чулки. На маленьком морщинистом ее лице было выражение полной растерянности.

— Домовой зашел, не иначе, — бормотала она. — Как оно может быть иначе?

По меньшей мере в десятый раз разглядывала она комки грязи, присохшие к чулкам.

С трудом подынявшись, тетушка Тэри, не выпуская из рук аполунных чулок, вышла на кухню. Отказавшись от подошвы, свои старомодные очки и, покладывая поругу, поближе к свету, снова принялась рассматривать чулки.

— Да, это грязь! — окончательно захлопав она, спустилась с крыльца во двор и крикнула своим старческим голосом:

— Иренке-е! Ты где-е? День клонится к вечеру. Силнее освещало только одну половину двора. По дороге веревочей тынулсь возм со спанам. Вдали, на опушке леса, показалось стадо коров, возвращающихся домой. Тетушка Тэри еще раз крикнула в сторону сарая:

— Иренке-е! Да где же ты? Сыншин?

Ответ не последовало. Тетушка Тэри уже собралась вернуться на кухню, но в это время в салу скрипнула калитка и появился ее

Рассказ

Автор этого рассказа Геза Домокош родился в 1928 году в городе Вридон (ныне Ступин) на юге Трансильвании, в семье крестьян-на-барщинах.

В 1948 году Геза окончил Секретский лицей имени Матео в городе Сфынту-Георге, потом поступил на филологический факультет Венгерского университета имени Бодая в Будапеште. В 1954 году Домокош окончил Московский литературный институт имени А. М. Горького при Союзе советских писателей, в котором учился пять лет.

Первые очерки и корреспонденции его появились в печати в 1946 году. Домокош постоянно сотрудничает в венгерской газете «Элорс» («Перец»), выходящей в Бухаресте.

В настоящее время Геза Домокош работает над циклом рассказов о жизни современной трансильванской деревни. К этому циклу и принадлежит публикуемый в журнале рассказ «Тетушка Тэри».

на лице стал расшумовывать бутсы.

— Тысячу раз ему говорил: «Послушай, Шурттак, не закрывай глаза, когда обгиваешь мяч головой». Но сколько ему ни толкай, все впустую. Прет сослепу куда повалит!

Тетушка Тэри поняла, что она решительно не может разобраться в этом замысловатом деле, и с глубоким сочувствием на добродушном лице снова направилась в кухню.

— Ну, ничего, до свадьбы займет. Вечерние заботы и приключившаяся с единственным внуком бе-

да настолько отвлекли ее, что о чулках она больше не вспоминала. Но, когда перед ужином заглянула в чулки, снова попалась ей на глаза.

— Ой, Иренке, душенька моя, послушай-ка, — начала старушка с таким выражением лица, будто страдальца нечто страшное. — Выходи я в комнату, дай, думаю, паде-ну шерстяные чулки, что ты связала мне прошлой зимой, помнишь? Кости что-то ломит, наверное, и перемене побойте... Достают их —, и береже милосердия! — да они все в грязи!

— Да что вы? Как же так? — взумлась молодая хозяйка, даже

мамалыгу в котелке мешать перелата. — Я их не надевала.

Тетушка Тэри развела в недоумении руками: — Ну, в таком случае мне и вовсе неважно, а чем тут дело. Пишти, с перевязанной мокрым полотенцем головой, сидел на своем обычном месте, на скамье, и бесновито следил за разговором бабушки с матерью. Он весь съежился, словно ждал, что вот-вот за шиворот ему плеснут ковши холодной воды.

— Скоро придет Элек, надо спросить у него, — сказала молодая хозяйка. — Да только врид он их надевал. Он ведь носит портянки.

***

Прошла неделя. Днем Пишти помогал отцу в кухне коллективного хозяйства, а под вечер, надев бутсы, отправлялся на тренировку. Спортивный площадке находилась рядом, стояла лишь перерываться через низенький плетень позади дома, чтобы сразу же оказаться на «стадионе». Когда-то это поле служило площадкой для овец и принадлежало некоему судуку Тана. Местный народный совет передал недавно этот участок комитету Союза трудящихся Молдавии под названием поле пастухов.

В селекции Тольдана футбол еще сила диковинкой: только этой весной сколотили первую команду. Пишти Зусар с той минуты, как вернулся из городского лагеря на летние каникулы домой, сразу стал душой команды, ее лучшим игроком и, разумеется, центром нападения.

Однажды после полудня, как раз, когда тетушка Тэри сбивала масло, перед ней с бутсами подмышиной появилась Пишти. Он спросил голосом, полным глубокой печали:

— Хотелось бы вам, бабушка, чтобы мне сломали ногу?

Мешалка замерла в руке тетушки Тэри. Старушка с укоризной взглянула на внука:

— Боже милостивый! Что ты такое мелешь, внучек?

Карие плутовские глаза Пишти испытующе смотрели из-под нависшего на лоб чуба.

— Да-а... многозначительно протянул он, вздыхая. — А сегодня наверняка перешибт мне ноги. Это уж на все сто процентов.

— Тогда не ходи! — исполосилась тетушка Тэри. — Ни за что не ходи, внучек! Я давно уже хотела сказать...

— Надо! — Никак нельзя не идти, — серьезным тоном прервал ее Пишти. — Дело чести.

— Ой, миленький мой, да что же ты будешь? — взмогн расстерялась старушка.

Столько участия и тревоги за внука было в ее взгляде, что, казалось, камень, и тот разбит был Но, очевидно, сердце у Пишти было тверже камня. Не меняя сурового выражения лица, он еще немного постоял перед бабушкой, потом бросил на нее взгляд, до того грустный, будто он отправлялся на верную смерть, медленно побрякал к двери. Однако, сделав всего несколько шагов, остановился.

— Могла бы одна штука меня спасти, — еле слышно сказал он.

— Какая? — спросила тетушка Тэри.

— Ванш чулки!

Пишти дождажал к старушке и, обняв ее за шею, начал просить:

— Дайте мне их, милая, хорошая моя бабуся! Они мне нужны

— Последний раз. Завтра из города привезут полную экипировку всей команде. Что именно завтра, так уж это на все сто процентов. А ваши чулки как раз очень хороши, они облегают ногу, как настоящие гетры.

Заклебываясь от восхищения, Пштити долго и горько говорил о незаменимых бабушкиных чулках, доказывая, какой это прекрасный и здоровый вид спорта — футбол и как не хочется ему, Пштити, оторвать свою бабушку, правда сегодня с тренировки с переполненными ногами.

Тетушка Тэри, в сущности, мало что поняла из его излияний, но лужавое выражение лица внука постепенно рассекло ее тревогу. Прижав к своей иссохшей груди лохмотья лопуши Пштити, она зашептала:

— Ах, прощай, негодник этикий! Прощай! Значит, это ты все надела? А? Вот она, оказывается, откуда грязь!

Старушка с приторным негодованием покачала головой и величаво дала свое согласие:

— Ну, ежели так, то возьмем, возьмем уж...

Популярность молодежной команды быстро росла. Все больше зрителей собиралось во воскресный вечер в игровую бывшего выгона кулака Тана. Поначалу к новой игре молодежи люди относились только свысочно, как к детской забаве.

— Ну и дураки же! Носится за мячом, как угорелые, словно на съемной работе.

Старки многозначительно качали головой и тоже терли свои носы. Неодостает еще, чтобы перекалечили друг друга. Ох, уж эта вымышленная молодежь!

Однако, пока не прекращалась суматошная игра, от забора никто не отходил. Потом постепенно все как-то примыкало к этому новым воскресным развлечениям. Уже не стояли, как раньше, возле игрового, а заходяли на самый выгон, усаживаясь по краям поля на траву и, подпыхивая трубка, время от времени кричали игрокам:

— Э-э-эй, бего жей! Давай!

Жив! Особенно заметно пополнялись ряды любителей футбола, когда в Тоголва стали приезжать команды из других деревень. В такие дни зрители собиравались на стадионе задолго до начала состязания. Топышная занять места поудобней, чтобы хорошо было видно и солнце не слепило глаза.

В конце концов вот до чего дошло дело. Перед домом местного народного совета стоял небольшой мостик с перилами. После обеда в воскресенье сюда испокон века сходились празднично одетые крестьяне. Садился на перила и, зацепив для устойчивости носками за перилашку, беседовал о том, о сем. Но вот перила, отштукатуренные праздничными штанами деков и стадами, начали тускнеть. Все чаще стали ходить люди на бычачьи пашни, а с перилами, на стадион, и зашли на суматошную игру в мяч.

Первой «большелицей» в семье Хусара стала Ирен, мать Пштити. Морячок от соседок, как ленок и неутюжим в игре ее сын, она в один из воскресных дней отправилась посмотреть. Однако, увидав, как ребята, гораздо рослее и здоровее Пштити, носится по полю, толкается и насканывают на ее единственного мальчика, Ирен не на шутку встревожилась. Но скоро она убедилась, что сын ее действительно ленок и в обиду себе не даст.

— Хай-ра! Пштити! Хай-ра, Пштити! — кричали вокруг нее зрители, и она тоже кричала, вся зардевшись от гордости.

Вторым по суете «большелицем» сделался отец Пштити, всеми уважаемый кузнец артельного хозяйства, сдержанный, крепко сбитый мужчина лет сорока. Он отправился на матч с оттопыренными карманами, набитыми чудесными иболоками-скоропелками, в первые вышел на середину поля и роздал каждому игроку по иболоку.

Таким образом, все семейство Хусаров превратилось в ярык «большелициков». Одна тетушка Тэри и слышать не хотела о воскресных матчах. Правда, томи была все же веские причины: как раз в то время, когда происходила сореязовани, его преподобие господин священник служил в церкви ежедневно, а тетушка Тэри за двадцать два года, с тех пор, как осталась вдовой, не присутствовала ни одной церковной службы.

Не успеют отзвонить колокола, как она уже берет молитвенник и семеник к стоящей на высоком холме церкви. Дома никто не затронул вопроса о церкви. Тетушке Тэри было известно, что дочь ее отнюдь не богобоязненна, а зять — прямо-таки безбожник. Это не мешало ей, однако, следовать давней привычке, да никто ей и не переносил. Старушка любила органную музыку и церковные пение и до того свыклась с запахом ладана и голосом священника, что не могла себе без этого представить ни одного воскресного дня.

И х а в-а — общирный среди венгров возмание, превращающий футболистов услышать темп, наступательный порыв в ирге.

Много томительных часов пережила тетушка Тэри с тех пор, как с выгона стали доноситься во воскресенье свист, гикалье и глухие удары по мячу.

В одно из воскресений тетушка Тэри не утерпела и спросила Пштити, усердно выслушавшего на кивок, какой своей бутсы.

— Скажи, Пштитке: почему так горланит народ, когда вы там играете мяч?

— Как почему? Болеют! — ответил Пштити. — Приходите, бабуся, сами увидите.

— Стара я для этого, голубчик, — промолвила она и отвернулась, чтобы скрыть наверху срыва.

Когда все ушли, ей стало еще тяжелее. С килью боющимся сердцем она прислушивалась к доносившемуся из-за сада шуму. Молча, погруженная в свои думы, ходила взад и вперед по двору, тихо выдыхала и то и дело вытирала глаза колючим платком.

«А что если все-таки поглядеть, пока еще не зновила в перки?» — пришло ей внезапно в голову. Тетушка Тэри подумала-подумала и наконец решилась. Медленно проковыляла, прижав позади иболок, в самый отдаленный конец сада и притянулась у летики. Сидела она только озвралась и ничего не понимала. Вид бегущих ребят и множества расшумевшихся людей, сидящих по краям поля, привлек ее и замешательство. Но вот она отскочила среди бегущих игроков вихрящую голову Пштити и больше уже не сводила с него глаз.

Каждый раз, когда зрители восторженно выкрикивали имя внука, она не могла удержаться, чтобы не пенути:

— Ишь он какой! На что, разбойник, способен!

И, любозная внуку, тихо, счастливо улыбаясь.

Пштити и его друзья носились по полю, но время тоже не стояло на месте. Все быстрее клонился к вечеру воскресный день. Наступала сумерки. И, как бы в намокание всем грешникам, колюченной зюнорь уныло отозвонил, что познорье перед вечерней, а тетушка Тэри все еще продолжала стоять возле летики.

***

Впервые за столько лет тетушка Тэри пропустила вечерню. А в понедельник, отправившись за дрожками в кооператив, встретила его преподобие господина священника. Увидав выходящего сухопорою человека со строгим выражением лица, который шел прямо на нее, тетушка Тэри изрядно струсела, но не выдала своего волнения.

— Да слезится имя Христа! — смело подозривалась она, кланяясь священнику. Тот серьезно посмотрел на нее и, прошептав:

рел на нее и, приподняв шляпу, прошел было мимо, но вдруг остановился:

— Что-то я вас не видел на вечернем богослужении, тетушка Тэри. Вы больны?

— Больна, ваше преподобие, — подтвердила старушка, делая страдальческое лицо и стараясь говорить как можно жалобнее. — Ох, разболелась! Кости ломит, поясница ноет...

— Весьма неприятно, — покачал головой его преподобие и посмотрел испытующим взглядом в грустно мигающие глазки сжавшейся перед ним старушки. — Да, неприятно. Но вечерню все же нельзя забывать, в особенности вам.

Вначале тетушка Тэри вся зарделась, но тут же обижено поджала губы. По взгляду священника она поняла, что он ни капли не верит в ее болелье и ведь это было ее слабой стружкой. Как все старые люди, тетушка Тэри испытывала кровную обиду, когда кто-нибудь не верил в ее неутю. Лишь ее кмурилась все сильнее, она уже видела перед собой не благочестивого пастыря, имеющего право пристыдить даже ее, примерную прихожанку. Нет, перед нею стоял просто здоровый и самостоятельный человек, который вот-вот усмехнется; не притворится, мол, ты, старая карга, все равно я тебе не поверю.

— Стара я, ваше преподобие. Трудно мне ходить, — продолжала тетушка Тэри обижанным тоном. — Никто вот не верит...

И смолкала, будто озябла, что его преподобие паровозиком малялся и помет, что был несправедлив к ней, большой старушке. Даже если узнает, почему именно не пришла она к вечерне, и то поймет и все простит. Но священник продолжал все так же сурово, не произнося ни слова, смотреть на нее. Несчастная старушка почувствовала вдруг такое разочарование, что ей даже стало жалко самое себя.

— Никто не верит! — с горечью прошептала она. — Но не беда, все вышний видит...

Священник был непререкому невозмутим. Тетушка еще раз мельком глянула на него и вдруг в порыве какой-то необъяснимой непереносимости неожиданно для себя решительно выпалила то, о чем все чаще размышляла за последние время:

— К обеду, ваше преподобие,

как-нибудь ходить сюда, а уж вежливое постыкое кому-...

Священник и бровью не повел. Жесткое, костяное лицо его даже не дрогнуло, только голос прозвучал еще строже.

— Как нам будет угодно, те-тушка Тэри.

Он привалил шляпу и пошел дальше.

Несколько дней после этой встречи тетушка Тэри пребывала в высочайшем смущении. Она много раздумывала над словами священника, размышляла о его черствости и чувствовала все большую ошущу.

«...где я совершила грех, что побуждает посмотреть на внука? Да ведь и больна же я. Только я да господь бог знает, до чего у меня домаят кости...»

***

Лето прошло незаметно. На полях артезианского хозяйства преступно было в бурже охота. Подласки уже пасли стада коров по стерне. В деревне пекли хлеб из муки нового Урожая.

С грустью наблюдая по ветерам, как муть ипотает уже белая, Пинти подсчитывала, сколько еще дней остается до конца канкула, и все больше расстраивалась. Оставались считанные дни. Но вскоре важные дела отодвинули от этих мыслей, заставив забыть о приближающихся школьных занятиях. Дело в том, что футбольная команда селения Тофалеа вышла в полуфинал в районных соревнованиях на «Ху-ку-бок деревень». Через две недели здесь, в Тофалеа, должна была состояться встреча с командой соседней лесопилки. Составление должно было решиться, какой из двух команд предстоит играть на первенство с прославленной на весь округ командой спартаковцев.

Каждый день до самой темноты на бывшем выгоне тренировались ребята. Они так гадали, что их команды дойдут до самой базарной площади. Все семейство Хусаров с тревогой следило за выражением лица Пинти, когда он возвращался с тренировки. Наше дело оно приходить таким веселым и уверенным, что прямо сиял от счастья, и схватив в охапку тетушку Тэри, кружил ее по двору.

— Выиграем, бабуся! Наверняка выиграем!

Но случалось, что он пононору брел через сад и, войдя во двор, молча садился на камень у колодца. Если кто-нибудь задавал ему в это время вопрос, он только махал рукой:

— Игра не стоит свеч! С таким типом, как этот Шустак, с его поленьями вместо ног лучше и на поле не выходить...

Пришла пятница и суббота. До долгожданного матча оставался один день. Но тут произошло непредвиденное событие. Районный спортивный комитет предупредил по телефону секретаря тофалеанской организации Союза трудящихся молодежи, что назначенная на завтра встреча состоится не в первой половине дня, как предполагалось, а в утреню. Вначале известие это встревожило местных болельщиков. Но, поразмыслив, они с ним смирились, решив, что этот поклад, даже лучше: «Но крайняя мера спонсорства у нас уже есть». В домике Хусаров новизна не вызвала особого беспокойства, ее приняли как должное, а Хусаров-младшего эта вещь прямо-таки обрадовала.

Значит, если выйдешь, если хочешь носить во-время, должным

поднять ни свет, ни зарю. Пока доберется, поймают...», объяснял он домашним.

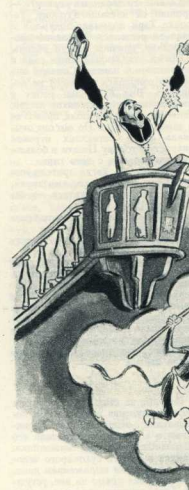
Тетушка Тэри заметила с улыбкой:

— Поглядам, поглядам, какие вы молодцы...

Бедной тетушке даже в голову не приходило, что ей-то как раз и не удастся посмотреть, что за молодцы местные деревенские футболисты. Мысль об этом ошуммила ее только на другой день, когда мимо ворот промчалась машина с распевавшими во все горло лесопильщиками и добрая половина села уже находилась на поле. Раздававшаяся в этот момент первые удары благовеста застали ее врасплох. Тетушка Тэри как раз поспевала свой праздничный завтрак, когда ее слуха коснулся колокольный гул. Она вздрогнула и, прижав к губам платочек, прошептала:

— Ах, обедня!..

В это время из дому вышел Пинти. Он был в новой форме —

белых трусах и красной майке. Ногы его обвивали плотные черные гетры. Бутсы сверкали, как зеркала. Он улыбнулся бабуське.

— Идем, бабуся! Но боевите только за нас...

— Или, иди, голубчик!

Заметив смещение, Пинти подождал к ней.

— Что с вами, бабуся?

Старушка не выдержала и, уткнувшись в плечо внука, заплакала:

— Обедня... я совсем про нее забыла!..

Напрасно и Пинти и отец с матерью пытались ее утешить. Она все плакала, плакала, затем, всхлиывая, вошла в дом и тотчас вернулась, держа в руке молитвенник.

— Уж вы ступайте. Мне тоже пора.

Тетушка Тэри остановилась у колодца и, прежде чем Пинти скрылся за явными сада, крикнула ему вдогонку:

— Береги себя, родной!

Старушка опускалась на тот самый камень, на котором любила обычно сидеть Пинти, и долго сидела неподвижно. Наконец вытерла глаза, поправила платок. Лицо ее приняло серьезное, почти суровое выражение

— Вот-вот отблаговестят. Надо идти...

С тех пор как тетушка Тэри начала тогда изредка посетить воскресные вечера, она еще с большей актуальностью ходила к обедне. Ее хотелось показать всему миру, что Тэри Ваго знает свой долг, хотя его преподобие нарочно не смотрит в ее сторону во время проповеди. Из-за этого местные старухи-ханжи пуская по мере слуха, будто она на старости лет впаала в безбожие.

Тетушка Тэри уже поднималась с камня, готовая тронуться в путь, но вспомнила, что нужно прежде запереть дверь. Когда она подошла к двери, из-за сада доносился шумные рукопашения. Потом отчетливо прозвучал знакомый свисток. Выражение покаянного смирения стало мало-помалу сходило с лица тетушки Тэри. Чуть бы лучше слышать, она затаяла дыхание и наклонилась вперед.

— Ах, вот они и начинаю!

Тетушка Тэри машинально нащупала в ящике кухонного стола ключ и, заперев дверь, спрятала

в эту минуту, как нарочно, колокол снова наполнил воздух своим гулом. Тетушка Тэри торопливо повернувшись и испуганно зажурилась глаза.

— Престаяла дед Марин! — пролетела она. — Покарый меня! Покарый дуру!

И, прижав молитвенник к заколотившему сердцу, с опущенной головой засеменяла на ворота.

***

Проповедь с явными, видимо, подхлывала к коню: все громче и громче ораторствовал его преподобие.

Совно моргая, слушавши проповедь, поспешили в прихожую. А где-то на отлете сидела на скамеечке со свесившейся на гурадь головой тетушка Тэри. Она всегда во время проповеди впадала в дремоту. Но сегодня, видимо, особенно переутомилась.

Муčenja старухи начались с самого начала богослужения. Тшество заставляла она себя предать молитве, но то и дело ловила себя на том, что мысленно впадают где-то далеко — там, на выгоне, где радуется и веселится все селение. Не помогли ни молитвы к деду Марин, ни созерцание теплых свеч, ни любование явными в золоченых рамках.

Все сильнее куда-то отдалялся от нее негодующий гуло священника, а церковная скамья, на которой она сидела, казалась все меньше и меньше. Наконец она зарделась. И силнось ей, будто развелеся сидит она на поле в кругу односельчан и смотрит на игру в мяч.

Вдруг, господи помилуй, откуда ни возьмись, повалилось два черных мохнатых черта. «Ах, нечестивая старушка, — лукаво гнусят один из них над самым ее ухом. — Неужто здесь твои мечты? Другой, громким шорохом, не дал тетушке Тэри и пикнуть, нахлывавшись на нее: «Безбожница! Богоотступница!..» «Неправда! — хочет крикнуть тетушка Тэри, но черт подхватывает ее и тащит куда-то. Несут они ее по гетрам и полям. Вдруг она слышит крик, оборачивается и видит: ребята-футболисты бегут вслед за ней по пятам, и вперед всех мчится Пинти. Черты пускаясь наутек. Обхватив тетушку Тэри, Пинти кружит ее в громко кричит: «Радуйтесь, бабуся, наша взяла! Мы этим лесопильщикам такого задали жару!» Тетушка Тэри обоченно вздыхает и улыбается: «Слава богу, внучек!» Она протрягивает руку, чтобы поглядеть голову внука, но в это время откуда-то сверху раздается огулительный рев...

...Священник закончил проповедь. Гуло зарвел орган. Тетушка Тэри вздрогнула и подняла голову. Пробуждение было столь неожиданным, что на лице ее все еще продолжалась бледная сонная радостная улыбка.

«О господи!» — промелькнуло у нее в голове.

Привычным быстрым движением поправила она свесившийся набок платок и смущенно огляделась. Не увидевшись, что никто на нее не смотрит, снова поспешно закрыла глаза в надежде еще раз увидеть внука. Но Пинти исчез.

«Ах, это был сон!» — с догадкой подумала она и укоренно поглядела на хоры, где началось песнопение. — Хоть бы дали узнать, какой бы счет...»

Привычным быстрым движением поправила она свесившийся набок платок и смущенно огляделась. Не увидевшись, что никто на нее не смотрит, снова поспешно закрыла глаза в надежде еще раз увидеть внука. Но Пинти исчез.

«Ах, это был сон!» — с догадкой подумала она и укоренно поглядела на хоры, где началось песнопение. — Хоть бы дали узнать, какой бы счет...»

Привычным быстрым движением поправила она свесившийся набок платок и смущенно огляделась. Не увидевшись, что никто на нее не смотрит, снова поспешно закрыла глаза в надежде еще раз увидеть внука. Но Пинти исчез.

«Ах, это был сон!» — с догадкой подумала она и укоренно поглядела на хоры, где началось песнопение. — Хоть бы дали узнать, какой бы счет...»

Привычным быстрым движением поправила она свесившийся набок платок и смущенно огляделась. Не увидевшись, что никто на нее не смотрит, снова поспешно закрыла глаза в надежде еще раз увидеть внука. Но Пинти исчез.

Привычным быстрым движением поправила она свесившийся набок платок и смущенно огляделась. Не увидевшись, что никто на нее не смотрит, снова поспешно закрыла глаза в надежде еще раз увидеть внука. Но Пинти исчез.

Привычным быстрым движением поправила она свесившийся набок платок и смущенно огляделась. Не увидевшись, что никто на нее не смотрит, снова поспешно закрыла глаза в надежде еще раз увидеть внука. Но Пинти исчез.

Фото А. Уаллана.

БОЛЕЛЬЩИКИ

Взоры светятся задором
У болельщиков-ребят,
Что на жердочках за домом,
Как воробушки, сидят.

Целых полтора часа
Не смолкают голоса:
— Не теряйся, левый край!
— Дядя Федя, нападай!

— Прямо в штангу!.. Эх, мазила,
Только зря истратил силу!

— Вот пробили угловой!
— Дядя Федя! Головой!

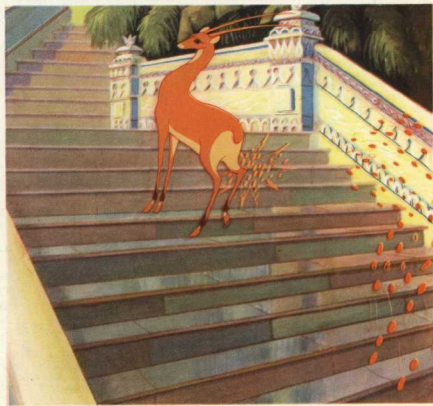
— Гол!
— Ура!
— Четыре: два!
— Пушка, а не голова!

Горячо друзья «болеют».
Подождите до поры:
Показать они сумеют
Настоящий класс игры.

В. БЕРЕСТОВ

Кадры из мультипликационного фильма «Золотая антилопа».

Эскизы и режиссерской раснадровке фильма.

«ЗОЛОТАЯ АНТИЛОПА»

Темнолиловые джунгли затянута утренним туманом. Тишина, безветрие. Ни один листок не шелочнется. Джунгли еще спят. Но вот внезапно среди деревьев появляется стройная антилопа, изпод копыт которой вылетают снопы искр. Она пытается уйти от погони, а преследователи уже близко, совсем рядом просвистела стрела, впилась в ствол дерева.

Так начинается новый цветной мультипликационный фильм «Золотая антилопа», созданный по мотивам индийской народной сказки коллективом киностудии «Союзмультфильм».

Содержание фильма несложно. Индийский раджа и его приближенные преследуют чудесную антилопу, которая обладает волшебным свойством: копытами она высекает золотые монеты. Однако поймать антилопу не удается: ее спасает бедный крестьянский мальчик. Раджа хитростью и угрозами пытается узнать, где прячется благородное животное. Но даже смертельная опасность не может заставить мальчика стать предателем.

У раджи, а не знаешь, что нельзя выдавать своих друзей! — говорит мальчик.

Раджа узнает, что у мальчика дочь, подаренная ему антилопой. Стоит подумать в нее, и чудесное животное явится на зов. Он завладевает дудочкой, вызывает антилопу и грозит отрубить мальчику голову, если антилопа не даст много золота.

Хорошо, — соглашается антилопа, — а если золота будет слишком много?

— Слишком много золота? — хохочет раджа. — Слишком много золота не бывает.

Антилопа предупреждает, что, если раджа крикнет «Довольно!», все золото превратится в глиняные черепки; она скачет по белокаменным залам дворца; изпод ее копыт вылетают золотые монеты. За ней, утратив царственные величия, бегает раджа, мечется все его слуги, отталкивая друг друга, трясущимися руками собирают монеты. Жадность не знает предела. Раджа просит золота еще и еще. Он падает, осыпавший монетами. Гора золота вырастает по самую шею задыхающегося раджи. Наконец, он не выдержал и закричал: «Довольно!» Мгновенно монеты превращаются в черепки...

Фильм идет всего тридцать минут, но он оставляет у зрителя светлое, праздничное ощущение; так глубоко и реалистично раскрыта в нем высокая идея настоящей, самоотверженной дружбы.

Рисунок художника-мультипликатора.

Освежая алчность, предательство и другие пороки, картина будит благородные чувства верности, дружбы, чести.

Как создавался этот фильм?

Работая над сценарием, драматург Н. Абрамов прочел большое количество произведений индийского фольклора. Индия чудес, Индия алмазных россыпей, непроходимых зарослей и роскошных дворцов открывалась своей другой стороной. Сказки повествовали о честных людях-тружениках,

наделяемых высокими моральными качествами, смело борющихся с угнетателями. Это и определило идейную направленность сценария — показать торжество правды над несправедливостью и злом.

Когда сценарий был закончен, началась кропотливая работа по подготовке к съемкам фильма. Прежде всего необходимо было произвести так называемую раснадровку сценария. Например, в сценарии сказано: «Мальчик идет по джунглям». Это один из эпи-

Народный артист СССР Р. Симонов репетирует роль раджи.

зодов. В режиссерской разработке он разбивается на несколько кадров: «Джунгли, высокие деревья, обитые лианами... По стволу дерева ползет змея... Мальчик ходит в заросли... Лицо мальчика... Глаза пристально всматриваются в чащу...»

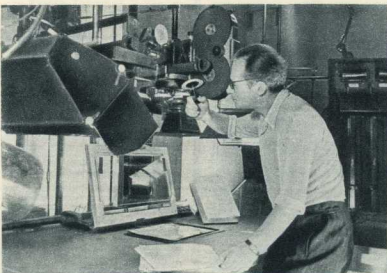
Так, а иногда еще и более подробно разбивается каждый эпизод литературного сценария.

В «Золотой антилопе» по разработке режиссера Л. Атаманова получилось триста сорок три кадра. К каждому из них режиссер и художники-постановщики А. Винокуров и И. Шарыпин делали небольшие эскизные рисунки. От эскизов зависит очень многое: ведь по ним потом готовят более пятидесяти тысяч рисунков, не считая черновых, которых в три-четыре раза больше.

Рисованный фильм — своеобразный вид кинематографического искусства. В обычной кинокартине центральной фигурой является актер. Вместе с режиссером он создает образ, его игра во многом определяет успех картины. В мультипликационном фильме же живет, действует, играет рисунок. Образ, характер создаются здесь художником в сотрудничестве с режиссером.

Участники творческой группы, взявшие создание фильма, внимательно изучали историю, культуру и быт индийского народа. В музеях и библиотеках, по книгам, старинным гравюрам они

Фото В. Сметанина.

Оператор М. Друзин за съемкой фильма.

Комсомолка Л. Сенаторова расширяет рисунок перед съемкой.

знакомилась с архитектурой, кинофильмом, музыкой, танцами народов Индии.

Режиссер Л. Атаманов, просматривая старые книги, обратил внимание на портрет одного раджи. С рисунка смотрел надменный владыка из затерянных глубин, залпывающим иером. В том портрете режиссер увидел «своего» раджу, тут же представил себе и актера, который мог бы своей игрой передать этот образ — народного артиста СССР Р. Симонова.

В обычном фильме производственный процесс создания картины начинается со съемки игры актера. Одновременно, а иногда и позже, записывается его голос. В фильме мультипликационном на пленку сперва записывается голос актера, а потом уже по рисункам художников снимаются картины. Рисованный фильм можно слышать даже тогда, когда смотреть еще, собственно, нечего.

Готовя свою роль, Р. Симонов искал выразительные, характерные интонации для образа раджи, решил его в звуковом плане, но при этом, конечно, намечал и мимику и движения. Иначе говоря, артист создавал пластический эскиз роли. Художники, наблюдая его игру, делали зарисовки, определяли тот рисованный образ раджи, который и будет играть в фильме.

Рабочий подготовительный период закончен. Звукооператором

Н. Прилуцким записаны на пленку слова героя фильма и музыка композитора В. Юровского. С этого момента начинают действовать художники-мультипликаторы. Несколько месяцев длится их работа. Кропотливо вырисовывают они каждую мельчайшую деталь, каждое изменение в положении движущегося персонажа. Каждое кадрывается сперва на основные фазы: например, начало движения антилопы, промежуточное положение, конечно же, затем окончательное. Рисунок заполняют недостающие между фазами звенья, чтобы движение антилопы не проходило рывками, а было плавным, естественным. Здесь требуется предельная точность, рассчитываемая долями миллиметра.

Но вот окончена и работа художников. Рисунки переведены на целлулоид и поступили в оператору М. Друину. На специальном станке производится съёмка, а затем монтаж. И перед нами новый цветной мультипликационный фильм «Золотая антилопа».

Творческая группа его состоит в основном из молодых художников. Постановщики А. Винокуров, И. Шарыгин еще совсем недавно были студентами Института киноаграфии; молодые мультипликаторы и декораторы В. Арбеков, Б. Чани, В. Котончиков, В. Рабинович и многие другие не так давно занимались в художественных учебных заведениях или окончили специальные курсы, организовавшие при студии. Работая с опытными заслуженными мастерами мультипликации Н. Федоровым и Р. Давыдовым, художники нашли ясные, верные краски для картины, так органически сливающиеся с ее содержанием. Играть героев фильма так естественно, подчас забываясь, что они не живые, а рисование.

У мультипликационного фильма неограниченные средства выразительности. Умело используя эти возможности, мастера мультипликации создают фильмы самого разнообразного жанра — от небольшой сказочки до научно-популярного фильма, от пятиминутной басни до полнометражного художественного произведения. Недаром рисованные фильмы пользуются такой большой популярностью не только у юных зрителей, но и у взрослых.

М. ЯНОВСКАЯ

На берегах Понта Евксинского

В одном из залов Музея древностей искусств имени А. С. Пушкина в Москве стоят три пожелтевшие от времени мраморные статуи. Рядом в застекленных витринах — обломки расписных ваз, яркие разноцветные бусы, терракотовые статуэтки, оружие. Все эти предметы были найдены сотрудниками музея при раскопках на Черноморском побережье, близ города Керчи. А еще в легендарные гомеровские времена, в X—VIII века до нашей эры, греческие мореплаватели, бороздившие воды Средиземного, Эгейского, Мраморного морей, заходили и в далекое Черное море.

Неведомые грекам народы и племена, населявшие берега Черного моря, вызвали у путешественников страх. По рассказам древних греков, люди эти жили на самом краю земли и поклонялись кровавожарной богине, которой приносили в жертву чужестранцев. Эти фантастические рассказы мореходов оправдали в названии Черного моря, которое греки именовали Понтом Аксинским, что значит море Неогостеприимное.

Но шли годы, проходили вековые слезы. Греческие корабли все чаще заплывали в Черное море, подходили к его берегам. В местах, куда купцы привозили свои товары, с VI века до нашей эры стали возводиться крепости, поселения. Они постепенно превращались в шумные города. С развитием Черноморского побережья греки веки оживляли торговлю. Они продавали оружие, расписную посуду, предметы роскоши, вино, покупали хлеб, рыбу, меха, рабов. Вскоре появились и название Черного моря, греки стали называть его Понтом Евксинским, то есть морем Гостеприимным.

Одним из крупнейших греческих городов-колоний на Черноморском побережье был Пантикапей, стоявший на месте нынешней Керчи. Как показали раскопки последних лет, этот город возник следом дух с половиной тысяч лет назад. О том, как быстро рос Пантикапей, как он стал столицей сильного государства — Боспора, о дружбе двух восточных правящих династий, о дружбе Боспора с Афинами, о его могуществе бор-

бе с Римом за самостоятельностью узнаем из книг греческих и римских историков Диодора, Страбона, Птолема. Но о том, как жили люди в те далекие времена, какими были их обычаи, нравы, нам рассказывает археология. Развалины жилищ домов, храмов, общественных учреждений, многочисленные предметы обихода, найденные при раскопках, возмещают черты жизни и быта древних народов, населявших когда-то северное побережье Черного моря.

В 1862 году при раскопках Пантикапея археологи обнаружили развалины маленького жилища. Сохранился каменный фундамент, очаг, заполненный шлаком. На каменном полу валялись кости жи-

вотных, черепки грубых глиняных сосудов, а в одной из амфорных ваз, наполненной золой, были обнаружены все до единого осколки уникальной расписной вазы VII века до нашей эры.

Теперь эта ваза, склеенная специалистами реставратором, стоит в витрине зала. В другой витрине — фрагменты для бытового маля, железный скребок, ручная мельница, нож эпохи эллинизма.

Многие экспонаты позволяют судить о художественных вкусах боспорцев. В зале выставлены найденная в 1949 году голова статуи, сделанная в I веке нашей эры. Образ ее повторяет излюбленный греками тип богини Афродиты. Каменные рельефные надгробные плиты показывают нам облик жителей города — людей с густой шелковой волос, с усом и бородой. Надписи перечисляют их имена и говорят об их заслугах.

Л. ГОРХОВСКАЯ

Здесь записывают голоса актеров.

ОПЕРА НА ЧЕТЫРЕХ ПЛАСТИНКАХ

В свободный вечер приятно бывает завеста патефон и прослушать оперу. Но если при этом одно необходимо — надо все время менять пластины. Чтобы прослушать, например, «Евгения Онегина», нужно сменить не менее 20 пластинок.

Если бы увеличена время звучания пластинок, не меняя ее величины! Если положить пластинку под микроскоп, то мы увидим, что расстояние между звуковыми дорожками на диске огромно. Если же сравнить с самим количеством звуковых каналов, но, чтобы достичь этого, их нужно прорезать тоньше, чем игла, а этого никак нельзя сделать. Мембрана несет 123 граммов, для тонкой иглы это слишком большой вес, она ломается, стертость иглы, ее неуточненность, которая и дает раз легкая пластинкой.

Сотрудники научно-исследовательского института звукозаписи с помощью тончайших звуковых канавок, которые ложатся вплотную друг к другу, поэтому на той же площади их увеличивается в три раза количество звуковых дорожек. При этом уменьшается расстояние между дорожками. Но возможности микроскопизма этим не ограничиваются. При обычной записи диск вращается со скоростью 78 оборотов в минуту. Если же повысить скорость вращения диска до 33 оборотов в минуту. На такой пластинке можно уместить эстрадный концерт, который длится около часа, а для записи целой оперы, которая длится два часа. Длительность пластинок отличается большей чистотой звучания. Наша промышленность уже освоила производство этих пластинок и выпускает универсальные проигрыватели, которые могут работать с любой патефонной иглой.

Е. ПОТЕНЕСКИЙ

Местительный автобус доставил нас из Лондона в Невбридж.

Игорь КОБЗЕВ

ТЫСЯЧА МИЛЬ ПО АНГИИ

1. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

По приглашению Национального союза студентов Англии тридцать советских студентов отправлялись недавно в туристическую поездку по городам Англии.

В Праге мы пересели на английский пассажирский самолет с надписью на фюзеляже «Охотничий союз», и вскоре под крылом замелькали поля и леса Западной Германии, потом раскинулась холмистая Франция. Разноцветные клочки мелких участков лепшились вплотную один к другому. Земля была похожа на нестройную доску пазлов.

На Бовингдонском аэродроме нас сразу же окружали фотокорреспонденты и корреспонденты лондонских газет.

В помещении, где мы ожидали автобус, сновали официантки с подносима в руках, усналено предлага сандвичи и рваные напитки. Хотя никто из нас не поинтересовался, что это были за напитки, на другой день в газете появлялась заметка, посвященная приезду советских студентов, начинавшаяся словами: «Водка была приготовлена...»

Небольшое отступление по этому поводу. Пробыв восемнадцать дней в Англии, посетив десять городов, разговаривая с простыми людьми на улице, в метро, в мастерских и гостиницах, мы убедились, что многие жители английских городов с искренним интересом и симпатией относятся к Советскому Союзу. В то же время бросилась в глаза, что некоторые английские газеты постоянно пытаются сеять недоверие и недоброжелательство по отношению к советским людям. Вот для чего очевидно, понаблюдая корреспондентам эта имя же самими заказанная водка.

для прохождения практики в английской языке.

С нами разговаривали норвежец, будущий преподаватель языка и истории Торстейн Ветти. Он рассприхивал о жизни молодежи в Советском Союзе, открыто признавшись, что газетам в этом отношении верить нельзя.

Живая беседа завязалась между группой советских студентов и молодой английской Эни Кинг-Фарлоу, недавно окончившей славяноведческий колледж в Кембридже. Эни была тут же переведена в Аию, и это, конечно, очень обогатило разговор.

Речь зашла о Шекспире.
— Вы всегда все объясняете общественными отношениями,— горничалась Эни.— Вы все слишком любите политику.
Горчая дискуссия так и не окончилась: руководитель нашей группы объявил начало небольшого концерта.

Первые же аккорды, взятые Тамарой Гусевой на стареньком пианино, заставили присутствующих забыть обо всем. Лица слушателей стали сосредоточенными и серьезными: чувствовалось, что искусство заговорило понятным для всех языком. Дружные аплодисменты заглушили последний аккорд.

С меньшим успехом выступили молодые певцы: ленинградка Бяла Колла и москвичи Олег Давыдов и Мария Шейкина. Высокое исполнительское

мастерство сразу же покорило сердца слушателей.

Олег Козлов, как бы продолжая неожиданный спор, наклонился к аплодирующей Эни и тихо проговорил:

— Вот видите... А вы говорите, что мы только одной политикой занимаемся...

2. ДВА ЛОНДОНА

День нашего знакомства с Лондоном выдался сумрачный, туманный. В первом часу пополудни на улицах уже зажглись фонари и неоновые рекламы. Впрочем, хмурое небо и туман только подчеркивали своеобразную, суровую красоту Лондона. Можно понять, за что любят англичане свое столицу. Есть романтическая прелесть и в остроконых шпильках Вестминстера, и в гранитных фасадах древних дворцов, и в перекинутых через Темзу старых мостах. Есть своеобразная красота и в серых тонах узких улиц, и в зеленоватой замешлости балюстрад, и в спокойном течении Темзы.

Но как-то не выжета со строгости красоте древнего города обиле нестройных, аляповатых красок рекламы—на домах, на заборах, на красных двухэтажных автобусах. В центре Лондона рядом с феенепебельными домами встречаются развалы и заросшие

На одной из центральных улиц Лондона.

Рабочий район Лондона—Ист-Энд. В таких домах ютится трудовой люд британской столицы.

Безработный художник рисует прямо на тротуаре.

бурьяном пустыри. Только кое-где руины прикрыты яркими заплатками рекламных щитов... Тут и моржи, плавающие в явах, жарыги, съедшие свои природные пятна патентованным порошком известной фирмы... На огромном красном листе портрет Наполеона, изображенного в полный рост. В чем дело? Почему друг Наполеон? — удивляемся мы. Оказывается, Бонапарт сообщает своей жене Жозефине, что он с удовольствием вышел бы пива такой-то фирмы!

Рассказывая свою историю, из которых наши собеседники старались ничего не говорить о районе предместья Лондона Ист-Энде, о кварталах, притягивающих к улице Стени. Ист-Энд, когда попадаешь туда, кажется другим городом, до того не похож он на сверкающие улицы центра. Люди здесь живут в низеньких домиках или в одностоянках, приземистых бараках. Эти жилища не украшают даже заботливо выращенные в палисадниках цветы.

Лондон пестр. Здесь много контрастов. Тут удивляются разном пуританской строгости нравов, чуть ли не фанатической приверженности традициям, религиозности и безразветленной продукции Годлувада, пошлые «экомиксы», ночные кабаки

Хайтгетовские палатки, у могилы Карла Маркса.

3. ИСКУССТВО, БРОШЕНОЕ ПОД НОГИ

Мы шли по Пикадилли-стрит — улице нарядных витрин и кричащих реклам. Вскоре перед нами раскинулся один из самых обширных площадей Лондона — Трафальгар-сквер. Сверкающие фонтаны, зеленые ветки деревьев, величественная колонна — памятник адмиралу Нельсону. Там и тут можно было увидеть хорошо одетых, праздных людей, шелкающих фотоаппаратами туристов из разных стран, бои, прогуливающих — с детьми.

И вдруг тут же на площади, по соседству с этим кажущимся благополучием, на изысканном подомыи на тротуаре, прямо под ногами у прохожих, скорчилась человеческая фигура. Это был уже немолодой человек, безработный художник. Рядом с ним на панели лежали коробка с мелками и шляпа, на дне которой темнело несколько медных монет. Вечерята на тротуаре друг, художник заглядывал его рисунком.

Мы попросили художника рассказать о себе. Он мурло, неоткуда ответил: — Что рассказывать? У меня нет работы. Если вам нравится мое рисунки, можете сфотографировать их на память, но не забудьте заплатить шиллинг.

Глядя на нищего художника, мы, советские люди, особенно жено ошунили возникшие противоречия, встречающиеся на каждом шагу в этом огромном городе. А ведь это не единственный случай!

Вечером у светящихся витрин магазина готового платья на Пикадилли-стрит мы встретили нищего скрипача. Молодой человек, одетый в чистую, аккуратно заштопанную рубашку и поношенные велветовые ботинки, очень грустно и выразительно исполнял скрипичную сонату Баха. На тротуаре возле его ног мы увидели дощечку с надписью: «Помогите мне закончить колледж». Тронутой музыкой, прохожие бросали медные монеты в открытый футляр скрипки.

4. ЭКСКУРСИЯ ПО ЛОНДОНУ

К числу достопримечательностей Лондона, которые обяза осматреть каждый приезжающий, англичане относят парламент. Здесь мы особенно остро почувствовали, как любят англичане старины и как гордится сподирством старым традициям. Мы увидели и знаменитый мешок с шерстью, на котором сидит лорд-канцлер, и зо-

лотые переплеты многочисленных томов английского законодательства. Нам показали комнату, где облачается королева перед торжественным выходом, трон и даже ступеньку, где восседает у ног королевы ее муж, герцог Эдинбургский.

Напротив парламента расположено древнее Вестминстерское аббатство, где покоится прах Дарвина, Ньютона и почти всех выдающихся писателей и поэтов Англии. Нет здесь только могилы Шекспира да еще одного замечательного сына английского народа — Байрона, который до сих пор не помучи призывания в буржуазных кругах Англии.

— Чем объяснить такое отношение к великому поэту? — спросил я у нашего спутника, студента Кембриджского университета Раймонда Раймолд.

— А мы не понимаем, что вам так нравится в этом Байроне,— ответил Раймолд.— Нам кажется,

что его стихи слишком унылы и слишком трагичны. Нет здесь, Раймолд не сказал главного: ему и его единомышленникам не по душе бунтарская, волюнтаристская поэзия Байрона.

С удивлением смотрят прохожие на бутфорочный народ дворцового часового.

Затем нас пригласили посмотреть, как происходит смена караула у королевских казарм. Здесь постоянно собирается толпа зрителей, привлеченных необыкновенным нарядом королевской гвардии: солдаты одеты в сверкающие каски с шлемными алмазными мушкетерам блещет позолотой. Кажется, будто смотришь старинный спектакль.

Разумеется, мы посетили и знаменитую сокровищницу культуры — Британский музей. Для нас, советских студентов, особый интерес представлял круглый купольный зал библиотеки музея, где работал Карл Маркс над «Капиталом» и где писал В. И. Ленин свою гениальную философскую работу «Материализм и эмпириокритицизм». Сторож библиотеки показал нам кресло, где сидел Владимир Ильич.

Совершая экскурсию по Лондону, мы много раз высказывали своим проводникам горячее желание посетить могилу Карла Маркса. В один из дней мы взяли автобус и поехали на Хайтгетское кладбище, на окраину Лондона. По дороге выяснилось, что инкто из наших проводников из Национального союза студентов ни разу не был на могиле Маркса и не знает, где она находится. Долгое время нам пришлось бродить

среди надгробных камней и маржорных изваяний, пока наконец Андрей Искович не обнаружил знаменитую нагби плиту, под которой покоится прах Карла Маркса. Мы долго стоим возле этой скромной белой плиты. Чья-то заботливая рука посадила здесь цветущие альме розы.

5. В ГОСТИХ У СТУДЕНТОВ

Руководство Национального союза студентов Англии, видимо, не очень хотело, чтобы мы встречались с английскими студентами. Нам предпочитали водить по музеям да по соборам. Однако лес назвала группа настоятельно просила организовать посещение высших учебных заведений или летних студенческих лагерей. Наконец нашу просьбу уважили.

Несколько деревянных домиков барачного типа, огороженных проволокой,— вот и весь лагерь. У ворот машину встретила лесисто одетая толпа парней и девушек, среди которых были и приветливо улыбавшиеся индусы и темнокожие жители Африки.

Все эти молодые люди—английские студенты, а также студенты других стран,— проводят здесь летние каникулы в надежде заполучить поблизости какую-нибудь работу. Некоторые из них навали на время уборки на соседние фермы.

Плата за учебу в английских вузах довольно высокая. Вот почему, вместо того чтобы отдыхать, студентам приходится все лето батрачить на фермерских полях. Разумеется, среди обитателей лагеря были главным образом выходцы из наименее шестых.

Студенты очень дружелюбно встретили нас. Сразу же завязалась оживленная беседа. Говорили на всех языках. Если не стало ясно, старались объясниться жестами, рукопожатиями. Посыпались десятки вопросов. И мы еще раз убедились, что английская молодежь, в сущности, очень милая и добрая.

Нас спрашивали: «Правда ли, что в СССР обязаны работать все старики?», «Быют ли в школе дети?», «Правда ли, что женщины в СССР за равный труд получают заработную плату, как и мужчины?», «Обеспечивают ли работой выпускников вузов?»

С особым интересом, со светящимися глазами симпатично рассказывали о нашей стране, о Москве индусы и негры. Они увидели рядом с собой советскую молодежь—веселых, жизнерадостных, поющих и смеющихся людей. Они услышали о нашей заботе и веселье русские песни. Эта встреча в маленьком лагере превратилась в праздничный фестиваль. Нам показали и смонтированный фильм, и слова гимна Демократического союза студентов, который с нашим вдохновением запел Олег Далецкий.

Люди молодые. Всех народов, разных наречий, Сердцем и душою Мы стремимся друг другу навстречу...

Даже не знающие слов старались подпевать нам. Прощаясь, мы дарили своим новым друзьям открытки с видами Москвы, значки советских спортивных обществ. Из окна автобуса мы увидели, как, столпившиеся у ворот своего лагеря студенты приветливо машут нам руками.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ

Рассказ

Рисунки Т. Покровской.

Бережков ехал по городу спокойно, не быстрее других. Пережидая у светофора, он с интересом смотрел по сторонам: как хорошеет город! Такой небольшой срок — и столько перемен.

Когда городская улица перешла в широкое шоссе, Бережков прибавил газу. «Чую на себя — и в полет!» — весело подумал он. — Давненько не приходилось сидеть за Баранкой. Хорошо! «Победка» мчалась по накатанному асфальту: мелькали придорожные сосны, зеленые холмы, высвеченные солнцем лужайки.

Бережков не заметил, как явдур потемнело. Набежала тучка, и по ветровому стеклу хлестнули тяжелые капли. Это был щедрый июльский дождь, он спешил, словно хотел уложиться в регламент — три минуты, и ни секунды больше.

Но вот и дождь уже позади. Можно проехать «с ветерком». Быстро пролетают встречные машины, мелькают белые фигуры регулировщиков. Вот один, другой. А вот и третий. Он поднимает руку и жестом указывает в сторону, к обочине.

Затормозил, Бережков остановил машину, оглушился — к нему медленно шел регулировщик.

— Вы что, товарищ водитель, в автогонках участвуете?

Бережков виновато улыбнулся. Он знает: самое верное дело в подобных случаях — приложить руку к сердцу и с крохоткой во взоре сказать: «Простите, товарищ начальник. Даю слово, больше это не повторится».

Выслушав покаяние Бережкова, регулировщик сурово сдвинул брови:

— Первый день на машине работаете?

— Нет, давно езжу.

— Стало быть, вы знаете, что в машине прибор имеется под названием спидометр...

Регулировщик говорил не спеша, с видимым удовольствием от общения с нарушителем. «Скучновато ему на шоссе», — участливо подумал Бережков, — даже и поговорить не с кем.

— Что спидометр показывает?

— Спидометр показывает скорость, — с интонацией первого ученика ответил Бережков.

— Точно. А если, к примеру, эта стрелка показывает сто? Это что значит?... Это значит, что у вашей машины, товарищ водитель, недоделанная скорость. Ясно?

— Понимаете, товарищ начальник, дело в том, что я тороплюсь, — неосторожно сказал Бережков.

— Хорошо, прекрасно. Вы торопитесь, дайте скорость сто километров. Другой торопится, жмет на сто двадцать. И что же в итоге может получиться?

— В итоге может получиться авария.

— Вот именно, авария. И вы пострадаете и ваши пассажиры.

Регулировщик наклонился к ма-

шине и невольно попятился: из окна «Победки» разилась розовую пасть, выглядывал Белый медведь.

— Это вы кого же везете? — Пассажира, — обернулся Бережков и ласково потреля медвежонка, — трезниного пассажира везу.

— Из зоопарка, что ли? — С Северного полюса через Москву в детский сад.

Бережков достал бутылку с сосиской и протянул медвежонку. Тот принался сосать, сопя и причмокивая.

— Можно ехать? — спросил Бережков.

Регулировщик решился было поглядеть медвежонка, но почему-то раздумал и, козырнув, сказал:

— Пожалуйста.

Проводя взглядом машину, регулировщик прошел до следующего поста, где нес службу устатый, черный от загара старшина. — Вот был сейчас номер, старшина! Остановил машину, подождал, а там, понимаешь, Белый медведь!

Старшина сдвинул на глаза фуражку.

— Ниного, — спокойно сказал он, — бывает. Это у тебя, Самохин, от жары. Сегодня по радио передавали: тридцать четыре градуса. Тут не то что медведя, слона увидишь.

* * *

Бережков уже целую неделю находился на Большой земле. Сутки, проведенные в столице, промелькнули, как один час. Среди поручений, которыми его хлестали, закидали семейные дела, было одно наимажайшее и обязательное: завезти в детский сад «Советский полянкин и

глануть на работ. Об этом его просили и начальник экспедиции Рыженцев, и гидролог Поцелуйко, и доктор Матаев, и магнитолог-астроном Гармаш. Все эти люди жили и работали на одной из дрейфующих станций, а их дети проводили знойное лето в сосновом бору в сорока километрах от Москвы.

За окнами машины проплывал знакомый пейзаж Подмосковья — березовые рощи, разноцветные дачки, огороды... Бережков оглянулся на своего пассажира. Медвежонка томил жар. Спустившись бутылку, он умыл морщав лобовую и тычонко ворчал.

— Что, недоволен! — усмехнулся Бережков. — Только беде панник. Привыкай, брат, к новой обстановке. Нет тебе здесь ни ледяной пустыни, ни пурги, ни торосов. Будешь ты, Мишка, до поры до времени подмосковным дачником.

Сбрюса скорость, он повел машину по просеке. Вскоре пока-

зался высокий забор: начались владения детского сада.

Остановившись у ворот, Бережков поспоглянул. Из калитки мгновенно появился старик и сердито замаял руками:

— Что ты гудишь? Ну что ты гудишь! Не понимаешь: тихий час!

— Простите, папаша, не знал.

— Не знал, не знал! Надо знать! Машину везду воспродаете.

Вам кого надо!

— Ребят хочи поаидать.

— Приезжайте в родительский день, тогда и поаидаете.

— Не смогу я в родительский день.

— Это почему же?

— Потому что, во-первых, я не родитель, а во-вторых, послезавтра улетаю.

— Далеко ли?

— Да нет, рукой подать. На Северный полюс. Попросите, если можно, директора.

Старик ушел, затворяя за собой калитку и задвигая засов.

Минут через десять калитка открылась, тот же старик строго сказал:

— Машину оставьте здесь, а сами пройдите со мной.

Бережков в сопровождении старика проследовал на территорию. Они вошли в голубой домик, крытый черепицей, и очутились в светлой комнате, увешанной рисунками детей.

— Сейчас придет директор. Посидите, — сказал старик и удалился.

Бережков стал рассматривать рисунки. Тут было все: и асарины на лизик конях, и причудливые натюрморты, и пестрые хорогоди. Один из рисунков привлек его внимание. На синей глыбе льда стоял по-летнему одетый мученик и держал в вытянутой руке огромный алый флаг. Под рисунком печатные буквы составили имя и фамилию автора: Женя Поцелуйко.

Бережков улыбнулся. «Юрия Петровича сынок. Попрошу это произведение и отвезу туда. Пусть отец порадуете, какой у него выдаются живописец растет».

Увлеченный рисунками, он не заметил, как за его спиной откры-

лась дверь и в комнате появилась миловавшая, очень молодая женщина в белом халате.

— Вы ко мне, товарищ! — спросила она.

Бережков обнищал.

— Мне, собственно говоря, нужен директор.

— А я, собственно говоря, и есть директор, — сухо сказала она. (Венная история: ее принимают за воспитательницу, за няню, за кого угодно, только не за директора).

— Простите! Впервые в жизни вижу такого молодого директора... — Слышу вас.

«Вроде обиделась на что-то», — подумал Бережков и, приняв похищение «скрином», доложил:

— Разрешите отпроситься у вас: Андрей Николаевич Бережков, чрезвычайный и полномочный посл.

Бережков ждал: улыбнется или нет? Нет, даже и не думает улыбаться.

— Посей! Простите, в каком смысле?

— В самом прямом. Чрезвычайный и полномочный посл. действующей научной станции «Северный полюс».

Бережков посмотрел на Синицыну. На лице ее появилась темная улыбка. «Нахонец-то!». Какие у нее яркие, озорные глаза!

— Вы правду говорите? — спросила она.

— Истинную правду. Отцы-полярники поручили мне проверить, как живет их потомство в вашем детском саду, хорошо ли здесь, не обижает ли детей директор... — А если обижает? — спросила Синицына.

— В таком случае мне придется наложить на дирекцию взыскание.

— Ну, а если вы убедитесь, что у нас все хорошо и благополучно?

«Тогда я вас расцелую», — хотелось сказать Бережкову, но он сиял более благодарным сдерживаться и ответил:

— Тогда я объявлю вам благодарность и премирую вас.

— Чей? Что же это за премия?

— Сейчас я вам ее принесу. Подождите.

Он вышел к машине и, открыв дверцу, извлек оттуда медвежонка.

океана, подобно сообщал каждому о его папе... —

Витя Матвеев задал вопрос: — Правда, дядя, что на полюсе солнце светит день и ночь?

Получив утвердительный ответ, Витя вздохнул и сказал: — Вот хорошо... Жили бы мы там, нас бы никогда спать не уводили.

Загнан дыхание, он слушал о том, как любил папа, самый главный на полюсе, вместе с женой, с наташкиным с и его ладой делали планшоду для посадки самолетов. И еще ему было весьма приятно узнать, что его папа наловчился готовить ничуть не хуже мамы и теперь частенько стряпает для всех борщи на газовой плите, которая стоит на льдине.

— Дядя, а у вас дочка есть? — неожиданно спросила Люба.

— Нет у меня пока дочки. И сыновья нет, и жену у меня нет...

— А деревья там растут? Бережков не успел ответить. Его опередил Витя Матвеев: — Какие еще деревья! Там ведь Сообразать надо!

Вопросы сыпались один за другим, Бережков едва успевал отвечать. Иногда вопросы задавала Синицына. Она слушала гостя и, захваченная его рассказом, вдруг поймала себя на мысли о том, что этот человек увидит, уедет, потом уедет обратно на полюс и, может быть... может быть, она никогда больше его не увидит. В самом деле: зачем ему сюда приезжать? У него нет ребят... Что ему делать здесь, в детском саду?

— Вам ясно, Ксения Александровна? — спросил Бережков.

— Да... конечно. Там очень холодно, — ответила она невпопад, и Бережков понял, что она не слушала его, занятая какими-то своими мыслями.

— А сейчас, ребята, пойдете со мной, — сказал Бережков, вставая, — и познанимко вас с моим близким другом.

Веселой гурьбой они отправились на полянку. Там уже стоял детский маневник, и по нему разгуливал медвежонко.

Когда на полянке появилась шумная ватага ребят, медвежонко сел. Она не выдержал душевных потрясений. За всю свою короткую безмятежную жизнь он не пережил и стоял доли того бурного восхищения, какое выражалось сейчас по его адресу. Ребята

— Пошли, Мишка. Познанимко тебя с местным руководителем. Идем, идем, оно тебе, безусловно, понравится.

Когда Бережков с медвежонком на поводке вошел в кабинет, Синицына стояла у открытого окна.

— Нина, не увидите ребят на озеро, — крикнула она, — пусть ребята побудут здесь!

— Хорошо, Ксения Александровна, — посплышалось в ответ.

Бережков спрятал медвежонка под стол, Синицына обнищалась, спросила: — Где же ваши примки?

— И тут же вскрикнула от испуга: из-под стола вышел медвежонко и заковылял прямо к ней.

Бережков взял медвежонка на руки и с шутливым укором сказал: — Директору пугаться просто не соидино. Верно я говорю, Мишенька?

— Боже мой, какой очаровательный медвежонко, — всплеснула руками Синицына, — какая прелесть! Ребята ждут в восторге.

Осмелев, она погладила медвежонка по белой пушистой шерстке.

— Мишка... Мишенька... Здравствуй, милый! Здравствуй, мой хороший!

Медвежонко быстро освоился с новой обстановкой. Ковыляя по кабинету, он тыкался носом во все углы, урчал и всем своим видом давал понять, что ему здесь очень нравится.

Медвежонка временно водворили в чулан. Спустя полчаса Бережков и Ксения Александровна ушли сидели, окруженные ребятами.

Среди них были и растущий художник: Женя Поцелуйко, и курносый Люба Ражонцева, и маленькая Наташка Гармаш, которой местный поэт посвятил дружеские: «Наташка Гармаш, не выдать из корышки».

Веселье, коричневые от загар, они с любопытством разглядывали незнакомого гостя, который звал целую уйма разных интересных вещей.

Гость рассказывал о том, как сверлял толстый-претолстый лед, как разбивал палатки, как мастерял кирочки из снега, как беруг пробы воды из самой глубины

пригнали вокруг маневника, хлопали в ладоши, наперебой кричали: «Мишка!.. Мишенька!..» Кто-то из детей сунул ему яблоко, кто-то гниуся его погладить. А маленькая Наташка зазвела во всеулышание:

— Я ему буду отдавать свою манную кашу!

На нее чрезвычайно оглушились: всем было известно, что Наташка терпеть не может кашу.

— Познанимались, ребята, и доволно, — сказала Ксения Александровна, — мы простром Мишке хорошую квартиру, — она посмотрела на Бережков, — мы все будем за ним ухаживать, будем с ним дружить!

Бережков попросился с ребятами, с каждым за руку. Синицына пошла его проводить.

— Доверяю вам Мишку, — сказал он, открывая дверцу маневника, — думаю, что ему здесь будет неплохо... Он попал в хорошие руки.

— Вы в этом уверены? — спросила она: Я буду в Москве.

— Абсолютно уверен! А кроме того, я его навеваю.

— Когда!

— Если разрешите, в начале сентября. Я буду в Москве.

— Это точно!

— Совершенно точно. Они помогали.

— И я рад, что познанимались с вами.

— А я рад, — мягко сказала она.

— Знаете, что, Ксения Александровна? Не забывайте меня! — Бережков с преувеличенным старинцем протирал ветровое стекло.

— Она не отвятила.

— Впрочем, Мишка напоинит вам обо мне, — улыбнулся Бережков, — я его об этом просил. Он обещал oznать мне эту услугу...

— До свидания! — Бережков протянул ей руку и, задержав ее ладонь в своей, сказал: — Помедайте мне счастливого пути.

— Желаю.

— До встречи!

Она кинула: — До встречи!

Бережков сел в машину. Вырулив на дорогу, оглушился: Ксения Александровна стояла и махала ему рукой. Отъезжая, он снова оглушился. Она все еще стояла. На фоне потемневшей леса ее белый халат был виден долго, долго...

ПЯТЬ ДНЕЙ БОРЬБЫ

Фото А. Вурдунова.

Читатель журнала «Смена» А. Кулагин (Сталинград) просит рассказать о виде спорта, который сравнительно недавно стал широко известным,—о современном пятиборье. Выдавая эту просьбу, редакция публикует статью «Пять дней борьбы».

Современное пятиборье как самостоятельный вид спорта возникло сравнительно недавно и называлось вначале офицерским пятиборьем. Ход соревнований как бы проводит спортсмена через те трудности, с которыми может встретиться в боевой обстановке воин, составляющий срочное поддесение.

Вот он вскакивает на первого попавшегося коня и помчался вперед... Ковь убит под гонимом, и ему уже приходится вступать в рукопашную схватку... Затем гонца ждет новое испытание—огнестрельная дуэль. Потом ему приходится переплывать реку... Наконец, на последнем этапе гонца мчит с посылем в виде бегом.

Участник пятиборья должен быть сильным, ловким, всесторонне развитым спортсменом, обладающим несомненно выдержкой и волей.

Пятиборье начинается с кавалерийского кросса. В первый день соревнований спортсмену нужно проехать на коне 5 километров по пересеченной местности.

Дистанция скачек пролегает по открытой равнине, то лесом, то забирается на пригорки, то спу-

скается в овраги. Естественные препятствия усилены всевозможными искусственными барьерами. Таких самых различных преград на пути всадника может быть до двадцати пяти. Требуется, например, перескочить и через «лесной завал», и через каменную стену, и через переворотную лодку, и даже через стол, на котором растащена посуда.

Всадник должен быть не только отчаянным всадником,—ему необходимо уметь хорошо ориентироваться на местности. Участники соревнования заранее не знают, кому на каком коне придется скакать; кони распределяются по жребью, есть на них спортсмены имеют право лишь за 15 минут до старта.

Но вот старт дан. Начинается преодоление препятствий.

Вот пятиборец прыгает через один из многочисленных барьеров (фото № 1). Возможно, он придет к финишу с отличным результатом, но для того, чтобы стать победителем в пятиборье, необходимо добиться успеха и в других видах спорта.

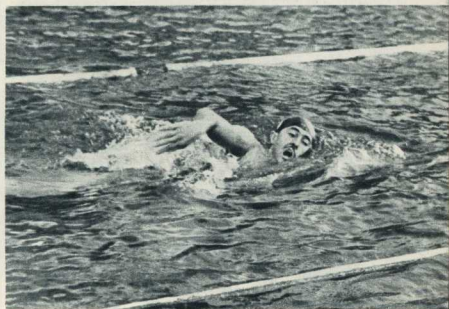
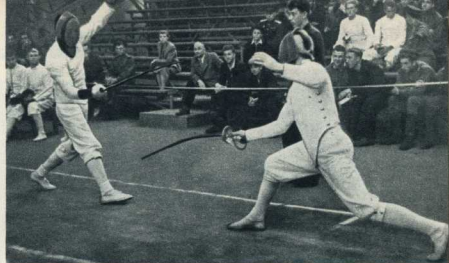
Второй день соревнований проводится в спортивном зале. Участники пятиборья, вчерашние кавалеристы, надевают болоньевые костюмы, в руках у них узоры, длинные палы, лица покрыты металлическими сетками. Они должны показать свое мастерство в фехтовании (фото № 2).

Звонят и поблескивают скрепящие клинки. Спортсмены делают молниеносные выпады, ловкие уклады, короткие, скользящие скачки. Победителем считается тот, кто первый нанесет сопернику хотя бы один укол. Но если в течение 5 минут ни один из них не добьется этого, поражение будет засчитано обоим противникам.

Фехтовальщику-пятиборцу мало выиграть одну схватку. Соревнование идет по круговой системе. Обычно за день ему приходится проводить не один десяток боев.

На третий день соревнований пятиборья выездают на линию огня (фото № 3). Ведется стрельба из пистолетов. Дистанция—25 метров. С этого расстояния хорошему стрелку не так уж трудно поразить довольно крупную силуэтную мишень. Но трудность заключается в том, что на каждый из 20 выстрелов дается лишь по 3 секунды.

Скоростная стрельба требует от спортсмена натренированности, твердой руки, точного глаза, большого хладнокровия. И нередко случается, что пятиборцы, успешно выступавшие в кавалерий-

ском кроссе и фехтовании, вдруг терпят поражение в стрельбе.

На четвертый день состязаний спортсмены должны проплыть 300 метров (фото № 4). Плывть можно любым стилем, лишь бы побыстрее закончить дистанцию. В пятиборье, так же, как и в десятиборье, побеждает тот, кто набирает в общей сложности большее количество очков.

На розыгрыше прошлогоднего мирового первенства по современному пятиборью Фразиец Хермани показал в плавании наилучшее время: он закончил дистанцию за 3 минуты 57 секунд. Однако в числе призеров мирового чемпионата Хермани не оказался, так как в других видах соревнований он выступил значительно слабее.

Наконец наступает последний день состязаний. Теперь спортсмены должны померяться силами в беге—пробежать 4 километра. Как и в кавалерийской скачке, дистанция бега пролегает по пересеченной местности. Ознакомиться с ней бегун имеет право только по схеме, которая вывешивается за 2 часа до начала соревнований. Но, как внимательно ни изучай схему, многие повороты и препятствия окажутся неожиданными.

И вот пятиборцы на траве. Когда запечатленный на нашем снимке спортсмен (фото № 5) коснется грубую финишную ленточку, можно будет наконец подсчитать, сколько же в общей сложности он набрал очков за 5 дней соревнований. Сильнейшим пятиборцем окажется тот, кто одинаково хорошо скачет на коне, фехтует, стреляет, плавает и бежит.

Всем этим качествами в настоящее время обладает чемпион Со-

ветского Союза по современному пятиборью за 1953 год ерпенский динамовец Игорь Новиков. На XV олимпийских играх он в личном зачете занял четвертое место. Другие наши лучшие пятиборцы—Рянтянский, Дехев—также показали хорошие результаты. Это значительный успех, ибо наши спортсмены впервые участвовали в таких ответственных международных соревнованиях.

Е. ВАСИЛЬЕВ

Осень рыболова

Осень... В тихих заводях неслышимо желтые кувшинки, белые лилии. Широкие ленты аниса похвяти, перелетались, одревелили и бескомпромисно вопоились. Наклонились камыш под порывами осеннего ветра.

Над водой уже не летают бесшумные стрелы, модницы-батюшки и другие насекомые. В прудах не слышно стрекотания кузнечиков. Из спившихся глубин вода не всплывает на поверхность ни одна рыба, даже уклейка — и та не показывается.

Теплые времена наступают для рыбы. Попробуй найти что-либо съестное на дне, а завидевшая трава такая жесткая и неуютная! Поэтому сейчас рыба раз за разом выныривает, наведывая крошечку хлеба. А червяк для нее — просто роскошь!

Рыболовы-любители отлично знают это и потому идут на дождливые осенние дни. Осенью ведет себя хищник, словно обнюхивая. Преследует стаю мелких рыбешек, отгоняет их к берегу, отступает своим сильным хвостом, а затем жадно поворачивает, и уклейки, уплывшие погонимой стаей, сами выбрасываются на берег, где вместе с жертвой погибает.

Рыболовы-любители хорошо знают повадки и хищность окуни и применяют один из удивительнейших способов ловли — ловлю на малька.

Сидят рыболов на берегу реки

или в лодке на озере. На поплавки его удочку мерию подвешивают на легкой ямке. И вдруг один поплавок исчезает. Реваая подсечка! Но по

тут-то было! Окунь так быстро не садится. Он и бросается в сторону, но «вырывается» в глубину. Рыболов знает: на малька уж если клюнет, так клюнет!

В конце концов на поверхности появляется и сам «звонюшка». До чего же он горбит! Сидит, во всю ширь, распустил свою грозную воловную тарночку. Без подвешивания и не подступиться: отчаянно сопротивляется.

Половине снайсет хладнокровно рыболова. Еще мигнула борыш — и яркойшей позолотой красавец подосновал заплутал в сетку.

После рыболов вылезает с зрими профем. Искра подхватывает крючок. И повторяется точно такая же картина борьбы.

Нацелены свежее, бойкие мальки. Рыболов глаз не сводит с поплавков. Но один из них нечто подозрительно дрогнул и, понемногу, медленно поплыл к камышам.

По «поведению» поплавка рыболов догадывается, что на крючке не окунь. Рыболов делает энергичную подсечку, но рыба его ощущает и сразу трясется. Изгибляя крючок, зацепив за корыту? Но странно, окунь не стоит на одном месте, а продолжает тянуть в глубину.

— Эй, вырывается из груди рыба. Он не смейтесь на похвяти, потому появляется щука. Вдруг она сильно ударит хвостом, так сильно, что во все стороны разлетаются брызги. И... леска свободно повисает над водой. На ее конце ни малька, ни крючка.

«Отпустил!».

Но это не обезкураживает рыболова. Быстро овладев собой, он приваживает поплавок, насаживает бойкого окуня и снова забрасывает.

Не потеряна надежда, что когда-нибудь и зубастый попадется...

Осень. Ее воспева с такой любовью, издали страстные рыболовы-любители.

С. МИНАЕВ

ЖЕНА
Внучере:

- М. Мухоморов — Рондвенный брод.
- Семён Грегуб — Да адравствует пламя жизни!
- Дмитрий Емеликин — Верный друг. Отрывки из поэмы Р. Островская — Возвращение в строй.
- К. Чертова — Неабываемые встречи.
- К. Вациадзе и В. Федосов — На вершинах красноармейских стрелов.
- Борис Дубровин — Спальник ли месяц, товарищ взойдет?
- Цица Ситков.
- Л. Раскин — Молодые хозяева земли.
- Гея Демочош — Тегуша Тар. Рассказ.
- М. Яновская — «Хлопота ли тыло».
- Игорь Козбев — Звонкая милая по Англии.
- Борис Ласкин — Чрезвычайный пассаж. Рассказ.
- Е. Васильев — Пять дней борьбы.

КРОССВОРД

Составил Н. Демин (г. Люберцы, Московской области)

1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	
12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29
30	31	32	33		

- По горизонтали:**
1. Декоративное садовое растение. 3. Семь алапов. 4. Цветок розы. 5. Берушиной слезой мочка. 6. Часть дерева. 16. Митягой
- По вертикали:**
1. Самбо. 2. Есентунги. 3. Вазов. 5. Циплюн. 6. Спальном. 8. Роза. 10. Елец. 14. «Полтава». 15. Левтан. 16. Пингвин. 17. Режанин. 19. Алтур. 21. Артур. 24. Петровицал. 26. Останва. 29. Австрин. 30. Тревк. 31. Гонг. 34. Сабола. 35. Амаду.

- По горизонтали:**
4. Рассвета. 7. Минироб. 9. «Отелло». 11. Отпен. 12. Ляво. 13. Неад. 19. Домана. 20. Феокан. 21. Аманер. 22. Стратегия. 23. Аргентство. 25. Автур. 27. Маюажит. 28. Батур. 32. Корт. 33. Рона. 34. Стопа. 36. Свельс. 37. Матчин. 38. Омавланд.
- По вертикали:**
5. Крылово. 6. Неруду. 9. «Кочубей». 11. Гейзер. 12. Кюшадж. 13. Горький. 18. Ватрицон. 20. Аккордеон. 21. Такси. 22. Омуть. 23. Колос. 25. Анигер. 28. Землянина. 29. Бововетчик. 32. Лаурат. 34. Выллина. 35. «Ураган». 36. Карнаги. 37. Дипаия. 38. Озеров.

главный редактор М. А. Величко.
 Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-34-24. А 06935.
 Тираж 120 000 экз. Изд. № 794. Подписано к печати 20/IX 1954 г. Формат бумаги 70 x 108/16.
 1,75 бум. д. — 4,8 печ. д.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Занк № 2693. 1,75 бум. д. — 4,8 печ. д.

Редакция: В. Ажаев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Кожухова, М. Лукин.

«Неизменный друг свободы»

ИЛЛУСТРАЦИИ Б. ЛЕБЕДЕВА К КНИГЕ И. Д. ВОРОНИНА
«А. И. ПОЛЕЖАЕВ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО».

В одну из июльских ночей 1838 года в кабинет Николая I был доставлен юноша, только что окончивший Московский университет. Приказ его в своей карете лично министру народного просвещения, Царь испытующим взглядом осматривал молодого человека и истерически кричал, потребовав, чтобы тот читает свою поэму.

Потрясенный неожиданным вызовом и царю, сильно волнуясь, юноша начал читать. С уст его срывались жосткие, обличительные стихи. От них веяло духом политического протеста против самодержавия. Проникновенно и страстно звучали слова, обращенные к России:

Когда ты свергнешь с себя
Время презренных палачей?

Той же ночью автор этих строк привел из царского кабинета был направлен в солдатскую казарму под строгим надзором.

Это был поэт Александр Иванович Полежаев. Читал он поэму «Сашка». Имя Полежаева широко известно и нас в стране. Оно стоит в ряду имен лучших сынов нашей Родины, бесстрашно боровшихся против крепостнического гнета, за свободу и счастье народа. Сам поэт называл себя неизменным другом свободы.

Полежаев писал в страшных условиях каторжной ссылки, когда подавлялась всякая иная мысль. Вся жизнь поэта была сплошным мучением.

«Местный приговор царя... Казарма... Побег... Одинокая камера арестантского подземного каземата... Ссылка на Кавказ... Наказание розгами и, наконец, ужасная смерть на койке военного госпиталя.

В своем творчестве Полежаев продолжал боевые традиции Радчица, Пушкина, Рыльева.

Со глубочайшей ненавистью Полежаев говорил о царе, называя его «вторым Нероном, Искариотом». Самодержавный царь поэт считал виновником не только своих собственных страданий, но и беззачетного положения миллионов обездоленных людей.

Сближение Полежаева с Герценом и Огаревым расширило его политический кругозор. От раздумий о конституции поэт приходит к выводу о неизбежности насильственного свержения народом деспотического царского правительства. В поэмах «Здравица» и «Чер-Юрт» герои которых являются солдаты, отчетливо просупаает мысль о том, что именно простой народ является творцом счастья будущих времен».

В своих произведенных поэт призывал к революционной борьбе. Полежаев умер в 1838 году на тридцать четвертом году жизни. Но и после его смерти «высочайшая воля» продолжала действовать. Произведения поэта-борца запрещались, искажались цензурой.

В советское время имя Полежаева было вырвано из забвения. Наш народ чтит память замечательного поэта-революционера. 11 сентября советская общественность отметила 130-летие со дня рождения русского революционного поэта А. И. Полежаева.

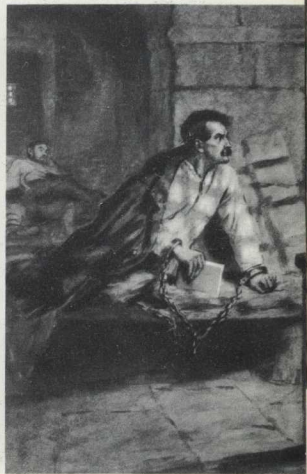
А. И. Полежаев обучается грамоте у крепостного саломоника Янова.

А. И. Полежаев читает революционные стихи в аудитории Московского университета.

Встреча Полежаева с Герценом и Огаревым.

А. И. Полежаев в тюрьме.

Цена номера
2 руб.

